

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

В ДУРНОМ
ОБЩЕСТВЕ

Фран Варади

Энн Грэнджер
В дурном обществе

«Центрполиграф»

1997

Грэнджер Э.

В дурном обществе / Э. Грэнджер — «Центрполиграф»,
1997 — (Фран Варади)

Фран Варади случайно узнала от бродяги Алкаша Алби, что он видел, как ночью какую-то девушку схватили на улице и увезли в старой машине. История показалась Фран настолько правдоподобной, что она, преодолев нелюбовь к стражам порядка, пошла в полицию, где от нее отмахнулись, словно от назойливой мухи. Так Фран становится сыщиком поневоле, потому что не может выкинуть из головы несчастную жертву похищения.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Энн Грэнджер

В дурном обществе

Анджеле Арни – подруге и сестре по перу

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

С Алкашом Алби Смитом я познакомилась на красной металлической скамейке в главном зале вокзала Марилебон. Только не подумайте, что я привыкла возвращаться в обществе таких, как Алкаш Алби. Поводом для вступления в разговор послужила чашка кофе.

В то утро я в полной мере испытала на себе капризы погоды. Вместо привычных джинсов нацепила легкомысленную мини-юбку и тончайшие колготки, не способные защитить даже от самого легкого ветерка. Что уж говорить о свирепом северном ветре, который как будто принесся прямо из Сибири и беспрепятственно завывал в просторном зале с высоченными потолками!

Я ждала поезд из Хай-Уикема, на котором должен был приехать Ганеш Пател. Как назло, в тот день все поезда опаздывали. Чтобы согреться, я купила кофе на лотке и села ждать. Кофе продавали в зеленых в белый горошек пластиковых стаканчиках, и он был обжигающе горячим. Вот почему я поставила стаканчик остывать на свободное сиденье рядом с собой. Подумать только, сколько неприятностей способен причинить один незначительный поступок! Если бы я держала свой стаканчик в руках... Если бы в тот день догадалась одеться потеплее... Если бы поезд не опаздывал... Но все сошлось одно к одному, а потом все получилось, как получилось... Поневоле поверишь в судьбу – или в закон подлости, кому как больше нравится.

Кстати, Ганеш – мой друг. Раньше его родители держали овощной магазинчик на углу улицы, где я незаконно жила в пустующем доме – сквоте. Местные власти решили реконструировать весь квартал. Поэтому нас выселили, а все дома на нашей улице снесли. Подхватив свои скудные пожитки, мы разбрелись в разные стороны, словно беженцы. Все мы подыскивали себе крышу над головой и мечтали о новой жизни. Я потеряла куда меньше, чем Пателы. Моя мечта – стать актрисой. Правда, пока у меня нет членской карточки актерского профсоюза, а выступать мне доводилось лишь в уличном театре. Жизнь в сквоте легкой не назовешь, но все же у меня там было какое-никакое жилье. После долгой, изнурительной и заранее обреченной на неудачу борьбы с местными властями нас лишили крова.

И все же другим пришлось еще хуже. Пателы потеряли магазин, которым они кормились, и квартиру над магазином, в которой они жили. Другими словами, они потеряли почти все. Им, конечно, заплатили компенсацию, но компенсация не всегда все окупает. Чем, к примеру, возместить много лет упорного, тяжелого труда? Чем возместить их планы и мечты о будущем?

В Лондоне Пателы не нашли другого подходящего места. Точнее, таких мест в столице сколько угодно, только Пателам они не по карману. Поэтому они перебрались в Хай-Уикем, где временно поселились в доме своей дочери Аши и ее мужа Джея, и начали подыскивать себе жилье. Вот почему в тот день я ждала Ганеша. Он ездил в Хай-Уикем навестить своих.

Ганеш не переехал в Хай-Уикем, потому что для него там не хватало места. Он переселился к своему дяде Хари и стал работать у него же. Работа на Хари обладала кое-какими преимуществами, но гораздо больше у нее было недостатков. Самым большим преимуществом оказалось то, что газетно-табачный магазинчик Хари находился буквально в двух шагах от моего нового жилища. Незадолго до того я как раз переселилась в Камден, где сняла квартиру в цокольном этаже. Сейчас я о ней расскажу. За переезд мне следует благодарить одного пожилого джентльмена по имени Аластер Монктон, для которого я выполнила одно поручение и проявила талант детектива. Кстати, без ложной скромности признаюсь, что с его поручением я справилась совсем не плохо.

То, что Ганеш оказался рядом, я сочла большой удачей. Ганеш мыслит прямо и четко. Иногда его прямолинейность меня раздражает, но в некоторых случаях подобный способ мышления очень полезен. Еще приятно сознавать, что он рядом. На Ганеша я всегда могу положиться; согласитесь, всем нам нужен человек, на которого можно положиться. Он тоже радо-

вался, потому что торговать газетами и сигаретами – совсем не то, что продавать овощи. Не надо целыми днями таскать на себе тяжеленные мешки с картошкой и ящики с фруктами и овощами. И родители его остались довольны: сын при деле.

С другой стороны, дядюшку Хари можно назвать классическим неврастеником. Он мотает нервы другим, но больше всего – самому себе. Так, он считает всякого, кто входит в его магазин, потенциальным воришкой. Поэтому, как только покупатель выходит, Хари бросается пересчитывать батончики «Марс» и засахаренные орешки. Если кто-то кладет на прилавок выбранный журнал, дядя Хари долго и подозрительно перелистывает его, он должен убедиться, что покупатель не сунул внутрь другое издание. Еще он очень боится, что какой-нибудь подросток схватит с верхней полки журнал «для взрослых». Если приходится продать пачку сигарет и отвернуться за ней к витрине за кассой, Хари все время крутит головой, как филин, опасаясь, как бы покупатель не стащил что-нибудь с прилавка, пока он стоит к нему спиной.

В общем, более нервного и мнительного человека я в жизни не встречала. Хари страшно волнуется из-за всего, а не только из-за насущных дел, цен и тому подобного. Его беспокоят выщербленные плитки в тротуаре у его магазина, перегоревший уличный фонарь и отсутствие урн для мусора. Он переживает из-за своего здоровья, здоровья Ганеша, моего здоровья, чьего угодно здоровья... Однако больше всего он страшится всяких неприятных сюрпризов.

Для этого у него в самом деле есть основания. Ганеш рассказывал о неприятном опыте, который оставил в душе Хари отметину на всю жизнь. Как-то к нему в магазин зашел подросток и потребовал пачку сигарет. Парень был крупный, может, ему еще и не исполнилось шестнадцати, но выглядел он на все восемнадцать. Кроме того, как Хари потом пытался объяснить судье-магистрату, парень был из таких, что, если отказаться его обслуживать, он вполне мог отомстить: ночью вернуться с друзьями и разбить витрину. В общем, Хари продал ему сигареты.

Через несколько секунд – Хари даже не успел убрать деньги в кассу – в магазин ворвалась тетка из какого-то агентства по торговым стандартам и стала вопить, что он продает сигареты несовершеннолетним. За теткой по пятам поспешал оператор с камерой и еще один тип с диктофоном. Оказывается, Хари случайно попал в телепередачу, чьи ведущие доказывают, что борются за права потребителей и защищают простых людей. Никто не подумал о том, что Хари самого необходимо защитить от нахального юнца, которому плевать на права других. Так неожиданно для самого себя Хари оказался отрицательным героем передачи, участвовать в которой вовсе не собирался. После той истории у него началось нервное расстройство; он до сих пор принимает кучу таблеток на травах, которые якобы помогают «справиться со стрессом».

Теперь Хари психует всякий раз, когда ему приходится продавать сигареты людям моложе пенсионного возраста. Правда, когда он отказывается продавать табачные изделия, психует еще больше, потому что страдает бизнес. Сейчас, впрочем, он больше всего переживает из-за другого. Машины, проезжающие по улице мимо его магазинчика, создают вибрации и тем самым расшатывают фундамент очень старого здания. А выхлопы загрязняют воздух, который попадает к нему в носовые пазухи. Кроме того, по недавнему распоряжению местных властей, на дороге у магазина нарисовали двойную сплошную, отчего все меньше покупателей тормозят у обочины, чтобы за чем-нибудь к нему забежать.

Уж на что Ганеш – человек практичный и уравновешенный, но даже он, работая рядом с дядей с утра до вечера, постепенно заражается его нервозностью. Если так будет продолжаться и дальше, скоро он тоже начнет принимать таблетки на травах. Поездки к родителям служили для него хоть какой-то передышкой – правда, ее нельзя назвать «мирной». Проблем у его родителей тоже хватает. Впрочем, иногда даже просто переключиться с одних проблем на другие бывает полезно, а при нашей теперешней жизни такой вариант – порой лучшее, на что можно надеяться.

Ожили дисплеи, повешенные у выходов на платформы; ожидающим сообщили, что поезда задерживаются еще на полчаса из-за поломки состава в Уэмбли. Я не собиралась торчать в продуваемом всеми ветрами зале еще целых тридцать минут – и так уже задубела от холода. Уж лучше прихватить кофе и поискать местечко потеплее. Потянувшись за своим стаканчиком, я вдруг сообразила, что уже не одна.

Сначала надо мной нависла чья-то тень; потом сильно потянуло перегаром. Подняв голову, я увидела старика; он стоял на расстоянии вытянутой руки и не сводил взгляда с моего кофе. Наверное, гадал, мой ли это кофе или его оставил какой-нибудь пассажир, который торопился на поезд. Он робко протянул руку и спросил:

– Твое, дорогуша?

Я сказала, что кофе мой, и решительно схватила стаканчик. Лицо старика разочарованно сморщилось, хотя оно и так было все в морщинах и складках, как у бульдога. На вид ему можно было дать лет шестьдесят пять, а то и больше; его длинные сальные патлы уже поседели, да и отросшая щетина на подбородке имела цвет перца с солью. На нем была рваная, грязная шинель, которая как-то не очень сочеталась с чистыми, почти новыми «вареными» джинсами. Наверное, он получил их в каком-нибудь благотворительном обществе, которое раздает одежду бездомным. Жаль, что вместе с джинсами ему не дали и обувь – те кроссовки, что были на нем, как говорится, просили каши. Одежда висела на старике мешком, отчего создавалось впечатление, что даже самый легкий ветерок способен был поднять его в воздух и швырнуть на эскалатор, спускающийся к поездам метро, откуда он, как я поняла, только что поднялся.

Мне стало его жаль. Отчасти из-за того, что мне хотелось от него поскорее избавиться, а отчасти из-за того, что я помнила: у меня и самой довольно часто не бывало денег даже на чашку кофе. Выудив из кармана монету в пятьдесят пенсов, я протянула ее старику и велела купить себе кофе.

Он просиял:

– Спасибо тебе большое, дорогуша!

Схватив деньги, он, к моему удивлению, в самом деле зашагал к лотку с кофе. Походка у него оказалась на удивление легкой. Я-то склонна была предположить, что он скорее отложит мою милостыню на бутылку, но день выдался холодным.

Знаю, не следовало обращать на него внимание, но когда я поступала благоразумно? Вскоре я убедилась в том, что мой поступок в самом деле отличался крайним безрассудством. Купив себе кофе, старик вернулся и, явно собираясь пообщаться, сел рядом со мной.

– Ты хорошая девушка, – сказал он. – Жалко, что таких, как ты, мало.

Такое я слышала впервые. Не помню, чтобы меня так великодушно и безоговорочно хвалили после того, как умерли папа и бабушка Варади. Мама ушла от нас, когда я была совсем маленькая, поэтому меня воспитывали отец и венгерская бабушка. О лучших родителях можно только мечтать, поэтому по маме я не скучала. Неприятности начались в тот день, когда я пошла в начальную школу. Я пролила флакон краски, которую нам раздали и в которую полагалось окунать пальцы. Суровая училка стояла надо мной, как великанша-людоедка из сказки, грозила мне пальцем и нараспев повторяла:

– Франческа Варади, сразу видно, ты будешь непослушной девочкой!

Должно быть, та училка была ведьмой, потому что ее пророчество сбылось. Я никогда не испытывала склонности угождать взрослым. Так все и покатило под гору. Пределом моего падения стал день незадолго до моего шестнадцатилетия, когда меня исключили из дорогой частной школы.

Школа была дневная – то есть не интернат. В ней сталкивались представители различных социальных слоев: растущих предпринимателей и обедневшей интеллигенции. Две группы соперничали через дочерей. Одних учениц домой забирали стервозные блондинки-мамаши на дорогих машинах. За другими приезжали не следившие за собой толстухи в растянутых юбках.

Их машины можно было назвать одним словом: развалюхи. Время от времени, если шел сильный дождь, кто-нибудь из первой группы, проезжая мимо автобусной остановки, на которой стояла я, опускал стекло и кричал во все горло:

– Садись, деточка, я подвезу тебя домой!

Тетки из второй группы никогда не предлагали подвезти меня и вообще вели себя так, словно я заразная.

Мне трудно их обвинять. Дело в том, что я не принадлежала ни к тем, ни к другим, и они просто не знали, как со мной себя вести. У меня не было ни мамыши в модном платье в обтяжку, ни мамыши в старом дождевике. Зато у меня была бабушка Варади, которая приходила на дни открытых дверей в старомодном черном бархатном платье и съехавшем набок парике. Меня считали «странной». В конце концов, я начала вести себя соответственно, да постепенно так и привыкла. Папа и бабушка экономили на чем только можно, чтобы платить за мое обучение в дорогой школе. Когда меня исключили, я жалела совсем не о школе. Было ужасно жаль папу и бабушку, которые стольким пожертвовали ради меня. Потом я жалела, что пришлось уйти с курса актерского мастерства в местном колледже, куда я поступила после исключения из школы. Мне казалось, что там я пришлась ко двору и была на своем месте. И все же оттуда пришлось уйти, как говорится, по не зависящим от меня обстоятельствам. Примерно через год после смерти папы умерла бабушка, и я стала бездомной. И все равно когда-нибудь я все-таки стану актрисой, вот увидите!

Вот почему даже похвала из уст старого алкоголика вроде моего случайного соседа показалась мне приятной. Как все мы падки на лесть!

Я ответила:

– Спасибо.

Старик пытался снять со стаканчика пластиковую крышку, но руки у него сильно тряслись, и я предупредила его, чтобы был осторожнее. Конечно, вряд ли он обжегся бы. Его пальцы давно потеряли чувствительность. Под толстым слоем грязи кое-где мелькали белые пятна – наверное, у него нарушено кровообращение. Темно-желтые ногти нуждались в стрижке.

– Ничего страшного, дорогуша, – ответил он. – Как тебя зовут?

– Фран, – ответила я.

– А я – Алберт Антони Смит, – не без гордости провозгласил мой новый знакомый. – Еще меня называют Алкаш Алби. Но хоть меня так и прозвали, это неправда. Клевета! Я люблю выпить, как все. Признайся, ты небось тоже не прочь пропустить стаканчик? – Он рыгнул, и меня окружило воспоминание о его последнем свидании с бутылкой.

Я поспешила отодвинуться на самый край красного сиденья и сказала: да, я иногда люблю выпить винца, но сейчас не тот случай, и, если он думает, что я угощу его спиртным, пусть не надеется. Кроме как на кофе, ему рассчитывать не на что.

Его морщинистое, заросшее щетиной лицо походило на сетку крупнопористой кожи, испещренной угрями, отчего создавалось впечатление, что он смотрит на тебя через вуаль в точечку – такие любили носить актрисы в фильмах сороковых годов. Так вот, старик страшно изумился и принялся пылко извиняться и уверять меня, что ничего подобного он не имел в виду.

Потом он шумно отхлебнул горячего кофе, и я поняла, что его слизистые тоже утратили способность различать горячее и холодное. Свой кофе я пила осторожно, мелкими глотками – он до сих пор был почти невыносимо горячим. Непонятно, зачем его продают таким раскаленным? Ведь знают, что пассажиры ждут поезда и у них совсем мало времени на то, чтобы выпить кофе.

– Я только что из метро, – продолжал мой сосед, подтвердив мою раннюю догадку. Он ткнул пальцем в сторону входа в метро, который располагался сбоку, у билетных касс. – Там тепло и уютно. В такое время года я почти все время провожу там, пока копы не выставляют

меня вон. Подонки они бесчувственные, вот что! Вынуждают меня ночевать на улице, в подьезде и так далее, а там просто зверский холод!

Я могла бы с ним согласиться, потому что знала, о чем он говорит, но ничего не ответила, мне не хотелось его поощрять. Правда, спохватилась я поздно, и ему уже не требовалось поощрения.

Мой новый знакомый шумно высморкался и вытер нос рукавом.

– От холода грудь так и ломит!

– Не пробовали пойти в ночлежку Армии спасения? – спросила я.

– Никогда не сплю в ночлежках, только если нет другого выхода, – с достоинством ответил Алби. – У них там пунктик насчет ванн... А что хорошего в ванне? Смывается естественная смазка. – Он с шумом втянул в себя воздух, посопел, фыркнул и спросил: – У тебя есть работа, дорогуша, или ты живешь на пособие?

– Сейчас у меня нет работы, – ответила я. – Была официанткой в одном кафе, но оно сгорело.

– Жаль, – посочувствовал он. – Небось кафе подожгли, чтобы получить страховку?

– Нет, просто забыли выключить жаровню на ночь.

– Жуть, – ответил он.

– Я хочу стать актрисой, – вдруг сказала я, сама не знаю почему. Может, для того, чтобы он перестал шмыгать носом.

– В Сохо в барах всегда требуются девушки. Они там и напитки разносят, и танцуют стриптиз. Говорят, неплохо зарабатывают.

– Я хочу стать актрисой, Алби! – возразила я. – Актрисой, а не стриптизершей! Ясно?

– Ну да, драматической актрисой! – с важным видом кивнул он. – Я знаю, что это такое. Я не невежда. «Быть или не быть, вот фишка в чем!»

– «Вот в чем вопрос», Алби! – Я и сама не знала, почему беседую с ним, но понимала, что под слоем грязи кроется добродушная общительность. И потому я как-то не могла приказать бедному старику проваливаться.

– Я тоже когда-то выступал на подмостках. – Он откинулся на металлическую спинку и с мечтательным видом уставился на лоток с закусками.

Другие пассажиры предпочитали обходить нас стороной, и мы сидели в уютном уединении.

Я подумала, что старик еще не растерял навыков, раз ему удалось так легко раскрутить меня на чашку кофе. Но следующие его слова меня просто сразили.

– Я выступал в мюзик-холле, – продолжал он. – Теперь-то таких представлений, варьете, больше нет. Телевидение – вот что нас погубило. И все-таки мы чудесно выступали в варьете.

– Продолжайте, Алби. – Его слова удивили меня и по-настоящему заинтересовали. Бедняга! Оказывается, он – представитель творческой профессии... Его слова лишний раз доказывали, что нельзя судить человека по его внешнему виду. Выступал в варьете – а посмотрите на него сейчас! Господи, неужели и я когда-нибудь такой стану? Буду бездомной, совсем спятившей старухой, которая таскает все свое имущество в паре пакетов...

– У меня были пудели, – сказал он. – Пудели – они очень умные. Быстро всему обучаются. У меня три их было. Мими, Чау-Чау и Фифи. Исполняли разные трюки. Ты и представить себе не можешь, до чего они сообразительные! Играли в футбол, ходили на задних лапах, изображали мертвых. Мими возила Фифи в детской коляске, одетая как няня, в кружевном чепце, а на Фифи я надевал детский чепчик. Но самым умным из них все-таки был Чау-Чау. Он у меня считал и угадывал цифры. Бывало, я поднимаю карту с цифрой, а он лает нужное число раз. Конечно, мне приходилось подавать ему сигнал, но зрители-то этого не видели! Чау-Чау был самым лучшим моим псом, и учить его было одно удовольствие. Очень он уважал крепкое пиво. Бывало, готов был что угодно сделать ради кружечки пивка.

– Хотелось бы мне взглянуть на ваше представление, – искренне сказала я, но не спросила, отчего он перестал выступать. Если честно, мне и знать не хотелось. Может быть, просто спад спроса на варьете, но, скорее всего, все дело было в его пристрастии к спиртному. Наверное, Алби начал выходить на сцену пьяным, пару раз не мог выступать, подвел устроителей – и конец. Интересно, что случилось с Мими, Чау-Чау и Фифи.

Как будто прочитав мои мысли, он сказал:

– Когда я перестал выступать, я уже не мог их прокормить. Я и себя-то не мог прокормить, не то что их... Умные они были собачки. Их забрала одна женщина и обещала пристроить в новые семьи. Надеюсь, она хорошо их пристроила. Я просил ее, чтобы их взяли вместе. Они ведь привыкли друг к другу. Но, наверное, их все-таки разлучили. Кто ж захочет взять сразу трех собак? Они, наверное, очень тосковали.

Я подумала, что тосковали не только пудели.

Старик взял себя в руки – как мне показалось, с большим трудом.

– Ну а чем ты еще занимаешься? – спросил он. – Как подхалтуриваешь, как говорится у нас в профессии? – Он явно решил, что мы с ним коллеги, люди искусства.

– Помогаю другим искать разные вещи. Исполняю работу детектива – неофициально, конечно, – ответила я, стараясь не выглядеть самодовольной.

Старик поставил стаканчик на лавку и уставился на меня во все глаза:

– Выходит, ты вроде частного сыщика?

– Вроде, хотя и не по-настоящему. У меня нет конторы. Пришлось бы вести бухгалтерию, платить налоги и все такое. А я работаю неофициально. Без лицензии.

– И как... – очень медленно произнес он. Когда я позже вспоминала его слова, то сообразила, что он говорил очень серьезно. Мне бы тогда встать и убежать, но я сдуру не сообразила. – И как, получается?

– Да вроде неплохо, – ответила я, хотя меня и кольнула совесть, потому что до сих пор мне пришлось расследовать всего одно дело. Но оно мне замечательно удалось, поэтому проигрышей у меня не было ни одного, а ведь так про себя могут сказать немногие детективы, верно?

Мой новый знакомый довольно долго молчал, за что я была ему только благодарна. С перрона начали заходить люди, – значит, движение восстановилось. Должно быть, сломанный состав починили или отогнали на запасный путь.

– Когда ночуешь на улице, как я, приходится видеть много всякого.

– Что? – Я выглядывала в толпе пассажиров Ганеша и потому не расслышала, что говорил Алби.

Он охотно повторил и продолжал:

– Только я предпочитаю смотреть себе под ноги. Неприятности мне ни к чему. Как и всем, кто вынужден всю ночь проводить на улице. Они много всякого видят, только помалкивают. Особенно много всего видят мусорщики, которые объезжают рестораны и другие заведения. Им надо успеть до утра. Так вот, они много всякого замечают, только никогда ничего не рассказывают. Поэтому мусорщиков никто не беспокоит, а ведь только так они и могут спокойно работать, верно?

Старик уныло посмотрел на дно своей пустой чашки, но я не собиралась дарить ему еще пятьдесят пенсов. Я только что получила пособие, но оно, к сожалению, было слишком мало, и его не хватило бы на помощь Алби.

Как оказалось, Алби вовсе не рассчитывал на добавку. Его беспокоило нечто другое.

– Позавчера я кое-что видел и с тех пор никак не могу успокоиться. Я видел девушку. Славную девушку, не шлюху какую-нибудь. В джинсах и джинсовой курточке, а под курточкой такой вязаный свитер мешком. Волосы у нее были длинные, и она подвязывала их такой штукой... – Он поднял руку к голове и провел линию от уха до уха через затылок – наверное, пытался изобразить «ленту Алисы», плотно прилегавшую к голове.

Да, видела я такие штуки. Особое пристрастие к ним почему-то питали дочери толстух в растянутых юбках.

– Примерно твоего возраста, а может, на год-два моложе. В общем, нестарая. И хорошенькая. Бежала она во все лопатки. Хорошую скорость развила.

– Опаздывала на последний поезд, – лениво предположила я. Не знаю почему, может, потому, что мы сидели на вокзале.

– Да нет... я же говорю. Я стоял в портале церкви Святой Агаты... Знаешь церковь Святой Агаты?

Да, я знала церковь, о которой он говорил. Она расположена примерно в четверти мили от моего дома: из красного кирпича, в псевдоготическом стиле, с сеткой на окнах, защищавшей стекла от разных орудий, вроде камней или бутылок с «коктейлем Молотова». В наши дни храмы часто становятся объектами такого нежелательного внимания.

– Ни на какой поезд она не опаздывала. Убегала от двух парней. Только они ехали в машине, так что бежать было без толку. Они выкатили из-за угла и остановились прямо напротив того места, где стоял я. Из машины выскочили два типа и схватили девушку. Она вырывалась и кричала, но один из них заткнул ей рот рукой. Потом ее затолкали в машину и – вж-ж-ж! – укатили.

Рассказ старика беспокоил меня; правда, оставалась надежда, что он все выдумал. Но уж очень правдоподобно выглядел его рассказ. Мне в голову сразу пришло объяснение – не слишком приятное, но вполне возможное.

– При церкви Святой Агаты есть приют для женщин, – сказала я. – Туда приходят жены, которых бьют мужья, и так далее. Возможно, она как раз вышла оттуда или направлялась туда, и ее схватил муж или приятель с дружкой...

– Она совсем не похожа на тех несчастных женщин, которых лупят мужья, – возразил Алби. – Больше смахивала на студентку или школьницу из дорогой школы. Я все хорошо разглядел. Они стояли рядом со мной, но меня не видели. Я забился в угол, подальше от света. – Он помолчал. – А те типы действовали очень ловко. Настоящие головорезы. Никакой это был не муж и не приятель. Они точно знали, что им нужно. А в руке у одного я увидел тряпку...

– У кого? – Я все больше беспокоилась и злилась на себя. Если я и дальше буду так бурно реагировать на рассказы старых алкоголиков, скоро начну принимать те же таблетки, что и Хари!

– У одного из тех двух типов. Он прижал тряпку ей к лицу. От нее воняло, как в больнице. Я сразу почувствовал, хоть и стоял далеко. Девушка тут же перестала лягаться и чуть не упала. А тип сразу затолкал ее на заднее сиденье машины. Она обмякла и лежала там, как неживая. Я видел только ее плечо в шерстяном свитере. Они ее вырубил, дали чего-то нюхнуть.

– Алби, ты сообщил о том, что видел, куда следует?

– Конечно нет! – Он укоризненно покачал головой, как будто я предложила ему совершить непорядочный поступок. – По-твоему, мне не терпится отправиться на тот свет? А те два типа, если что, наверняка нашли бы меня – они такие. Я ведь свидетель. И физиономии их видел, и машину. Она была синяя, во всяком случае, мне так показалось. Уличные фонари не всегда светят ярко, так что... Настоящая развалюха, марки «Форд-Кортина». На одном крыле у нее белая царапина, как будто она столкнулась с белой машиной и осталась отметиной. Понимаешь, что я имею в виду?

Я понимала, что он имеет в виду. А еще мысленно отметила про себя, что он наблюдательный: заметил столько важных подробностей. В целом его рассказ показался мне правдоподобным.

– Алби, получается, вы стали свидетелем тяжкого преступления! Той девушке может грозить серьезная опасность. Вам нужно...

– Фран!

Рассказ Алби настолько захватил меня, что я даже не заметила, как к нам подошел Ганеш. Он стоял передо мной, сунув руки в карманы своей черной кожаной куртки, и хмурился. Ветер трепал пряди его длинных черных волос. Ганеш вынул руку из кармана и, указав на Алби, спросил:

– Чего ему надо?

– А он кто такой? – буркнул Алби; я сразу поняла, что он обиделся. – Твой приятель?

– Да, я как раз ждала... – Продолжать я не стала.

Алби встал.

– Спасибо за кофе, дорогуша. – Он зашагал прочь, и я снова поразились его легкой походке.

– Алби, погодите! – крикнула я.

Но он уже вышел через центральный вход на улицу.

– Фран, опомнись! – Я сразу поняла, что Ганеш вернулся из Хай-Уикема не в самом лучшем настроении. – Чего ради ты с ним болтала?

– Он живой очевидец! – воскликнула я, вскакивая с места.

– Очевидец чего? Как можно прожить, питаясь исключительно виски? – спросил Ганеш, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Ему не терпелось уйти отсюда.

– На его глазах похитили человека! – закричала я, и, только когда эти слова слетели с моих губ, я вдруг до конца осознала их смысл.

Ганеш молча уставился на меня. Придя в отчаяние, я воскликнула:

– Ган, он стал свидетелем похищения и рассказал обо всем только мне! Сомневаюсь, что он повторит свой рассказ кому-то еще!

Ганеш поставил на землю свою спортивную сумку и пылко взмахнул рукой.

– Фран, ну почему тебя всегда так и тянет к...?!

– К чему тянет? – рассеянно переспросила я, растерявшись от его злобы. Ганеш часто язвит и придирается, но обычно не теряет хладнокровия.

– К дурному обществу! – ответил он. – Ты ведь знаешь, от этого у тебя одни неприятности!

Глава 2

Прежде чем я продолжу, я должна объясниться. Вопреки всему, что вы, возможно, обо мне подумали, моя жизнь в то время была не такой уж плохой. По крайней мере, у меня имелась законная крыша над головой, что стало огромным шагом вперед по сравнению с моей предыдущей жизнью.

Перед тем как поселиться в моей теперешней квартире, я жила в так называемом временном жилье, великодушно предоставленном мне местными властями. Временное жилье являло собой убитую квартиру в полуразрушенном доме. Мне ее сдали ненадолго, потому что здание собирались снести. Оттуда уже съехали почти все жильцы; двери в квартиры были заколочены. Несмотря на это, в доме разграбили все, что только можно. Такие дома обожают наркоманы. В них они могут без помех жить так, как им заблагорассудится. Малолетки приходят туда нюхать клей.

Иногда в опустевших квартирах ночуют бездомные. Время от времени власти их выгоняют и снова забивают двери пустых квартир досками. На следующую ночь наркоши возвращаются. Борьба идет с переменным успехом. Время от времени оставшихся жильцов ждут другие развлечения: то кто-то решит покончить с собой и прыгает из окна верхнего этажа или с крыши, то по лестнице рыщет местный поджигатель Лесли, пытаюсь устроить пожар.

В такие дома местные власти селили людей вроде меня, потому что другого жилья они и не могли предоставить, даже если бы и захотели, а им не очень-то и хотелось. В очереди на бесплатное жилье мы стояли в самом конце списка или вовсе нигде не значились; кроме того, мы находились в таком отчаянном положении, что готовы были закрывать глаза и на ужасные условия, и на опасность. То было мое второе временное жилье. Из первого пришлось съехать из-за вандалов. Вторая квартира оказалась даже безобразнее первой – я бы никогда не подумала, что в ней еще можно жить. Но ведь известно: как бы плохи ни были дела, все может стать еще хуже. Как говорится, нищие не выбирают. Хотя, по-моему, те, кто так говорит, сами живут в уютных домах.

И все же с подобными условиями можно мириться лишь ограниченное время. Я дошла до ручки и уже всерьез размышляла, не попросить ли у Лесли взаймы его спички. Мне отчаянно хотелось перемен. Но отказаться от этой квартиры я не имела права: тогда мои благодетели заявили бы, что я сама ухудшила свои жилищные условия и больше они не считают себя обязанными предоставлять мне жилье.

Если честно, тогда я была готова на все. Даже выясняла, не примут ли меня к себе обитатели еще одного сквота. И тут ко мне приехал Аластер Монктон...

При нашей последней встрече Аластер обещал чем-нибудь помочь мне. Я решила, что он просто вежливо выпроваживает меня, как бывает, когда тебе говорят: «Мы непременно как-нибудь пообедаем вместе», хотя ясно, что тебя в дальнейшем собираются избегать как чумы.

Но в случае Аластера все неожиданно окончилось благополучно; он как-никак джентльмен старой школы, человек слова и так далее и тому подобное. Кроме того, пока я ему помогала, меня едва не убили. После того, что случилось, он, видимо, считал себя моим должником. Короче говоря, у него имелась знакомая – некая Дафна Ноулз, которая жила в Камдене и всю жизнь до выхода на пенсию проработала в библиотеке. В ее доме, по словам Аластера, имелась дополнительная квартира в цокольном этаже, и она хотела сдать ее хорошему человеку.

Я заранее предвидела трудности. Как вы, наверное, уже поняли, очень немногие согласились бы считать меня «хорошим человеком», тем более – жить со мной под одной крышей. Мне представлялось, что пожилые бывшие библиотекари, тем более знакомые Аластера, придирчиво выбирают себе друзей и еще придирчивее – будущих жильцов. Конечно, Аластер замолвил за меня словечко, но особенно я ни на что не рассчитывала.

И все же я решила раньше времени не волноваться из-за того, что она может обо мне подумать. Она ведь не собиралась селить меня в своем доме бесплатно. Прежде чем идти к ней, я должна была несколько упрочить свое финансовое положение. Ничего особенного не ожидая, я все же пошла в муниципальный отдел льгот. Если мне удастся убедить будущую хозяйку, что я в состоянии платить за жилье, полдела будет сделано... Хотя я понимала, что представления бедного Аластера и его знакомой о «разумной плате», скорее всего, расходятся с моими представлениями и значительно превышают мой бюджет. В то время я как раз переживала очередной период безработицы.

То утро в отделе льгот выдалось сравнительно спокойным. Передо мной в очереди было всего трое: студент, с головой ушедший в книгу, безработная танцовщица и человек с картонной коробкой на коленях. Коробка была перевязана бечевкой, и в ней были просверлены отверстия. Время от времени внутри кто-то скребся.

Первым к стойке подозвали студента; пока он беседовал с чиновницей, я поговорила с танцовщицей, которая потеряла работу из-за болезни. Поэтому ей нечем стало платить за квартиру и она получила извещение о том, что ей придется выезжать. Она охотно рассказала мне о своих многочисленных переломах, а потом спросила, стоит ли ей соглашаться на работу за границей, которую ей предложили.

– Бывает, что за границей предлагают не совсем танцы, – объяснила она. – Приезжаешь за океан, и выясняется: к тому, что от тебя ждут, ты совсем не готова!

Я посочувствовала ей от всей души. Нам, людям искусства, в самом деле нелегко зарабатывать себе на жизнь, и все же посоветовала ей побольше разузнать о том, чем ей предстоит заниматься, а уже потом подписывать контракт.

Студент отошел от стойки в гневе. Настала очередь танцовщицы, и в приемной остались только я и человек с картонной коробкой. Время от времени он наклонялся над ней и что-то шептал в отверстие. Я не могла не спросить, что там у него, – в конце концов, я ведь тоже человек!

Мой сосед охотно развязал бечевку и откинул крышку. В коробке сидел большой белый ангорский кролик с красными глазами. Меня бы не удивило, если бы коробка оказалась совершенно пуста или там был старый сапог – на лондонских улицах встречаешь и не таких странных людей.

– Пришлось уйти из того места, где мы жили, – объяснил мой сосед. – Там запрещали держать животных. По-моему, это просто глупость! То есть... ведь кролик – не собака, верно? У Уинстона есть своя клетка и все, что полагается. Я соержу его в чистоте. От него не пахнет. Кошки хуже кроликов. Кошки всюду слоняются. Уинстон не такой. Но хозяин ничего не желал слушать. Он думает, если он позволит мне держать Уинстона, не успеет оглянуться, как придется разрешать и змей и других тварей, которым место в зоопарке. В общем, нам пришлось уйти. Понимаете, я не могу расстаться с Уинстоном. Кроме него, у меня никого нет.

Уинстон покрутил носом и, дрожа, свернулся клубком в своей коробке. Как и все кролики, выглядел он славным, но грустно было думать, что единственный друг этого человека – кролик. Когда меня одолевает самодовольство по поводу того, что я сама ни к кому не привязана, я вспоминаю по-настоящему одиноких людей – таких, как мой случайный знакомый с кроликом.

Хозяин кролика доверительно склонился ко мне; лицо у него сморщилось от волнения.

– Я никогда не оставляю его, если куда-то уйду. Всегда ношу его с собой в коробке. Уинстон не возражает. Он уже привык. Сейчас я живу не один, а с соседями; я бы ни за что не доверил им Уинстона. Боюсь, вернувшись, узнать, что дети доставали Уинстона из клетки, выносили его на задний двор и натравливали на него собак ради потехи. Там живут собаки – очень хваткие. Им ничего не стоит разорвать малыша вроде Уинстона пополам. Конечно, если до этого кто-то не пустит его на котлеты.

Я искренне пожелала ему найти для них обоих более безопасное жилье.

После человека с кроликом настала моя очередь подойти к стойке.

Я объяснила, что мне предложили снять квартиру. Но, прежде чем сменить место жительства, мне нужно знать, на какую помощь я могу рассчитывать от муниципальных властей. В конце концов, сейчас я без работы.

После того как я ответила на все вопросы, которых оказалось много, – о моей биографии, о том, где находится квартира и какая она (чего я в то время еще не знала), – мне сообщили хорошую новость и плохую новость.

Хорошая новость заключалась в том, что я, судя по всему, имею право на максимальную субсидию. Но радоваться было рано. Оказывается, все зависело от того, какую сумму муниципальные власти сочтут «разумной платой», подходящей для меня, в том районе, где я намерена жить. Тут мы столкнулись с препятствием. Квартира, которую считала подходящей для меня сотрудница отдела субсидий, по размерам примерно совпадала с клеткой для Уинстона. Так как квартира Дафны наверняка была куда больше и располагалась в районе, где жилье сдавали крайне редко и потому домовладельцы назначали любую цену, какую они пожелают, субсидия, которую мне выделяют, едва ли покроет квартирную плату. Разницу мне придется доплачивать самой.

– Или доплачивать, или искать себе жилье подешевле, – предложила чиновница, добродушно улыбаясь мне из-за стойки.

Большого я не ожидала и понимала, что не могу жаловаться. Мне казалось, что я напрасно потрачу время, даже если просто схожу посмотреть квартиру. И все же я пошла туда, считая себя обязанной навестить Дафну ради Аластера.

Должна сказать, первый взгляд подтвердил мои опасения. Я поняла, что вряд ли придется в том районе ко двору. Он оказался удручающе респектабельным, особенно по сравнению с тем кварталом, где я жила раньше. Меня словно закинули на другую планету. Сам дом был высоким, узким и стоял в длинном ряду таких же домов с общей стеной – чистенькими, с недавно покрашенными дверьми и сверкающими, вымытыми окнами. Высокое крыльцо вело к парадной двери; еще один пролет вел вниз, в цокольный этаж. Вся улица казалась неестественно тихой. Некоторые домовладельцы выставили у своих дверей кусты в декоративных контейнерах.

Такое не рекомендовалось делать на балконах дома, куда меня временно поселили до того. И контейнер, и растение исчезли бы минут через пять. Скорее всего, их сбросили бы вниз, на голову жильцов нижних этажей. Да, я увидела на улице Дафны жизнь, но совсем не такую, к какой привыкла.

Меня поразила одна странность. На тротуаре через равные промежутки, напротив входа в каждый дом были вварены круглые бронзовые диски, похожие на люки небольших индивидуальных бомбоубежищ. Люк перед домом Дафны был не таким, как соседние, а из матового закаленного стекла, вроде потолочного отверстия в подземном общественном туалете. Зачем?

Прежде чем показаться на глаза хозяйке, я тихонько спустилась по ступенькам вниз и подошла к двери, ведущей в полуподвал. Вход был узким; часть его перегораживала стена между домом и тротуаром, возведенная, судя по всему, недавно. Цели такой перепланировки я не поняла и очень удивилась. В двери цоколя имелось окошко; посмотрев в него, я увидела довольно просторное помещение. Оно оказалось светлее, чем большинство квартир в полуподвалах. Дополнительный свет попадал туда из окна на противоположной стене – мне показалось, что оно выходит в сад. Комната была заставлена вполне приличной мебелью. Через полуоткрытую дверь я мельком разглядела кухонный уголок. Даже с первого взгляда стало ясно, что внутри чисто, что там недавно сделали ремонт и жить там мне бы очень хотелось. Интересно, почему такая славная квартирка до сих пор пустует?

Чем дальше, тем больше мне казалось, что мне не по карману жить в такой роскоши, пусть даже и с помощью муниципалитета. Наверное, Дафна Ноулз нажмет тревожную кнопку, как только меня увидит. Когда-нибудь я, может быть, найду работу с приличной зарплатой, смогу совершенно преобразить и себя, и свой образ жизни, но сейчас у меня нет ни денег, ни работы, и эта квартира мне совершенно недоступна.

И все-таки... не зря же я тащилась в такую даль! И Аластер наверняка спросит мисс Ноулз, приходила ли я смотреть квартиру... Поэтому я поднялась на крыльцо и позвонила.

Изнутри слышались быстрые шаги. Дверь открылась; на пороге стояла высокая и очень худая женщина с жесткими седыми волосами в спортивных штанах и свитере. На ногах у нее были пестрые вязаные домашние носки с мягкими кожаными подошвами. Я уже приготовилась к тому, что она скажет: «Убирайтесь, я не подаю милостыню!» Но вместо этого она весело поздоровалась:

– Здравствуйте!

– Меня зовут Фран Варади, – представилась я. – Меня прислал Аластер.

– Я так и поняла, – ответила Дафна. – Входите, пожалуйста.

Она закрыла за нами парадную дверь и довольно резво зашлепала вперед по коридору. Стараясь не отстать, я озиралась по пути.

То, что я увидела, лишь еще больше убедило меня, что у меня нет никакой надежды. Дом буквально дышал респектабельностью. Мебель старая, но в от личном состоянии и, скорее всего, ценная. То есть антикварная. Узкая лестница с резными деревянными перилами вела куда-то вверх, в невидимые чертоги. Стены на лестнице были увешаны репродукциями со старинными французскими модами. В доме пахло свежесваренным кофе, лавандовым воском и срезанными цветами.

Мы пришли в большую и светлую гостиную окнами в садик. Солнечные лучи высвечивали бесконечные ряды книг на полках. Ну да, ведь хозяйка – библиотекарь! На столе у окна стояла громоздкая старомодная механическая пишущая машинка. Из каретки торчал лист бумаги; рядом лежала стопка распечатанных листов. Похоже, я прервала ее работу. Возможно, это тоже настроит ее против меня.

Дафна Ноулз уселась в кресло-качалку на тростниковой раме, обитое ярко-зеленым кретоном в розовый цветочек, и жестом указала мне на диван. Я мгновенно утонула в мягких подушках, оказалась ниже хозяйки и поняла, что очутилась в невыгодном положении. Дафна, лучезарно улыбаясь, начала раскачиваться в своей качалке. Кресло протестующе поскрипывало.

– Значит, вы и есть девочка Аластера!

В первый ужасный миг мне показалось, что она все перепутала и приняла меня за внучку Аластера, которая умерла. Я с трудом наклонилась вперед и поспешно заговорила:

– Нет, я Фран, которую он...

– Да-да, знаю.

Дафна махнула на меня рукой, и я снова откинулась спиной на мягкие подушки. Надо сказать, встать с такого дивана гораздо труднее, чем сесть на него. Невозможно ни поставить ноги на пол, ни схватиться за что-нибудь руками. Нет точки опоры.

– То, что произошло, очень печально, но жизнь все-таки продолжается. Я верю в переселение душ. – Качалка скрипнула. Я поняла, почему Дафна предпочитает сидеть в ней, а не на диване или не в одном из двух таких же мягких, как диван, кресел.

– Один мой друг тоже в него верит, – ответила я.

Посерьезнев, Дафна подалась вперед и продолжала:

– Видите ли, труднее всех приходится не мертвым. Труднее всех приходится живым, которым надо как-то жить дальше после того, как они потеряли близкого человека. Я совето-

вала Аластеру не беспокоиться за Терезу, но он воспринял случившееся очень тяжело. – Дафна вздохнула и оживилась: – Он сказал, вы хотите стать актрисой?

– Точнее, мечтаю, – добавила я уныло. – Все мы о чем-то мечтаем. Какое-то время я в самом деле ходила на курс актерского мастерства, но пришлось бросить.

– Ах да, – ответила она, покосившись на пишущую машинку. Я гадала, прилично ли спросить, над чем она работает. Но она, не дав мне заговорить, спросила: – Хотите осмотреть квартиру?

Звякая связкой ключей, она вывела меня на крыльцо, и мы спустились в цокольный этаж.

– Как видите, – продолжала Дафна, – она совершенно отдельная, и в ней есть все, что нужно. Теперь туда не нужно ходить через мою квартиру. Ход заложили кирпичом. – Она отперла дверь, и мы вошли.

Кажется, она решила, что мне захочется осмотреться самостоятельно, потому что осталась на пороге и стала ждать.

Я увидела, что мебель состоит из соснового грубого стола и четырех стульев, а также большого старомодного дивана, обтянутого синим репсом. На низком журнальном столике стоял небольшой телевизор. На полу лежало новое коричневатое-серое ковровое покрытие.

Толкнув дверь сбоку, я увидела небольшую ванную, где недавно поменяли сантехнику. Внимательно осмотрела крошечную кухню, которую мельком видела снаружи. Как и в комнате, в ней было окошко, впускавшее свет из сада. Пусть снаружи квартирка и ниже уровня тротуара, изнутри кажется, что я почти на первом этаже... Мне понравилось, что на кухне есть все необходимое: и изящная маленькая плита, и холодильник.

Должно быть, за такое жилье она запросит безумные деньги. Я была благодарна Аластеру, но он все же многого не понимал. Я знала, что такое жилье мне не по карману.

Из любопытства я вернулась к двери и спросила:

– А зачем возвели ту стенку?

– Там теперь проход в спальню. – Дафна повела меня к двери слева от подвального окошка. Открыла ее, и мы очутились в узком коридорчике, пройдя который попали в квадратную комнатку без окон. То есть без окон в обычном смысле слова. Свет проникал туда через круглое отверстие в потолке, и я поняла, что мы находимся под тротуаром. Эврика!

– Викторианский угольный погреб, – объяснила Дафна. – В наших домах имелись все тогдашние бытовые удобства. Уголь стружали вниз по желобам, которые закрывались бронзовыми крышками – вы, наверное, обратили на них внимание, когда шли сюда. Прямо в погреб – и не нужно пускать угольщики в дом. Большинство соседей по-прежнему используют погреб как хранилища для всякого хлама, но я и еще несколько человек сделали на их месте дополнительные комнатки в цокольном этаже. Вот зачем понадобился проход. Раньше попасть туда можно было только через люк с улицы.

Она включила свет. В комнате более или менее умещались сосновая кровать и платяной шкаф. Несмотря на уют, здесь я почувствовала приступ клаустрофобии. Неприятное чувство усиливалось от шарканья шагов над головой. Может, такая комната позволит поторговаться и немного сбить цену? Не всем понравится такая спальня.

– Через стекло ничего не видно, – заверила меня Дафна, наверное решив, что я молчу, потому что меня беспокоит окошко в потолке. – Да и мимо проходит совсем немного народу. Улица у нас очень тихая.

Настало время признания. Я понимала, что не имею права больше морочить хозяйке голову.

– Квартира очень милая, но мне она не по карману. Извините... Спасибо за то, что потратили на меня столько времени и все мне показали.

Дафна склонила голову набок и сразу стала похожа на высокую, тощую птицу.

– Если квартира вам в самом деле нравится и подходит вам, – деликатно ответила она, – мы можем договориться об условиях, которые подойдут нам обеим.

Сердце у меня екнуло. Я сурово приказала ему успокоиться и не начинать волноваться о том, чего не случится.

Дафна провела меня назад, в гостиную, и мы обе сели на синий диван, обитый репсом.

– Видимо, я должна кое-что вам объяснить, – сказала она. – Мне семьдесят один год.

Я выразила удивление; она не выглядела на свой возраст. Дафна только отмахнулась:

– Друзья и родные постоянно вмешиваются в мою жизнь – разумеется, из лучших побуждений. Например, им кажется, что я не должна жить совершенно одна. Не понимаю почему. Я в отличной физической форме и, по-моему, еще не совсем спятила. Но они все зудели и зудели, не давали мне покоя... Поэтому я сделала ремонт в цокольном этаже, расширила квартиру за счет бывшего угольного погреба и даже сделала отдельный вход. С ремонтом я не спешила. Сначала я вовсе не хотела ничего сдавать. Мне делается дурно при мысли, что в моем доме будет жить кто-то чужой, пусть даже в нижнюю квартиру ведет отдельный вход. Но в конце концов ремонтные работы закончились, и мои родственники тут же начали спрашивать, когда же я помещу объявление о сдаче квартиры.

Я ответила им, что никаких рекламных объявлений помещать не буду, а жильца к себе пушу только по рекомендации, причем хорошего человека. Все дружно начали присылать ко мне своих знакомых, но ни один из них не показался мне вполне *симпатик*, как говорят французы. Между нами совершенно не возникало взаимопонимания. Родственники пытались убедить меня, что взаимопонимание не играет никакой роли – ведь мне даже не придется общаться с жильцами. Но тогда какой смысл пускать в свой дом посторонних? Ведь идея состоит в том, чтобы в случае необходимости я могла быстро позвать кого-то на помощь. И уж если такая необходимость возникнет, вряд ли мне захочется звать на помощь людей, которые мне не нравятся, правда? Поэтому я под разными предлогами отказывала всем.

Дафна замолчала и бросила на меня тревожный взгляд, словно спрашивая, понимаю ли я ее. Я ее прекрасно понимала и так ей и сказала. Родственники и знакомые, пусть и из лучших побуждений, хотели урезать ее личную жизнь и ее независимость. Так как я сама больше всего на свете ценю свою независимость, я прекрасно понимала ее чувства и попыталась ей это объяснить.

Она просияла и энергично закивала:

– Так и думала, что вы поймете! Аластер нисколько не сомневался, что вы – именно то, что мне нужно, но я не спешила радоваться. Хотела подождать и увидеть вас своими глазами. По-моему, вы в самом деле *симпатик*. Поэтому, если квартирка вам понравилась, давайте договоримся. Вы будете платить столько, сколько сможете.

Я была не в том положении, чтобы отказываться. И потом, я понимала, что лучшего мне вообще никогда не предложат – возможно, за всю жизнь. Впрочем, кое-какие сомнения у меня все же зародились. Во-первых, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И не обязательно придется платить деньгами. Во-вторых, меня сильно смущала подземная спальня. Но обо всем этом можно было поволноваться и потом. Я сказала Дафне, что квартирка мне очень нравится.

* * *

– Конечно, старик видел похищение, – сказал Ганеш. – А еще розовых змей, гигантских панд и маленьких зеленых человечков, которые играют на скрипках.

Иногда с Ганешем трудно иметь дело, особенно когда он возвращается от родителей. С вокзала мы отправились напрямик на мою новую квартиру и всю дорогу ругались. Мы продолжали ругаться и дома, поедая подогретое пюре из чечевицы – дал. Только не подумайте,

что его приготовила я. Еду привез Ганеш из Хай-Уикема в пластиковом контейнере. Историю Алкаша Алби пришлось повторить бесчисленное множество раз.

– Я верю ему, – сказала я. – Главным образом из-за подробностей. Например, о тряпке, пропитанной хлороформом или еще какой-то дрянью.

Ган отложил вилку.

– Да перестань, такое кто угодно может придумать!

– А еще лента, как у Алисы в Стране чудес...

– Что?

Я объяснила, что это такое.

– Он ведь мог описать девушку как угодно, но такую подробность вряд ли выдумаешь. Он видел ее! И потом, то, что он бродяга, вовсе не значит, что он лишен наблюдательности.

Ган отодвинул тарелку.

– Думаешь, я чего-то не знаю о том старике? Ты ошибаешься. Он вечно ошивается в нашей части города. Просто тебе раньше везло, и ты на него не натыкалась. Тебе повезло еще и в том, что ты познакомилась с ним в хороший день. Он часто проходит мимо магазина дяди Хари. Обычно он пьян в стельку, и чем он пьянее, тем агрессивнее. Ковыляет мимо, потрясая кулаком, пристаёт ко всем прохожим и угрожает их поколотить. Хари выбегает и закрывает дверь, чтобы он не вломился в магазин.

– Не знаю, зачем Хари вообще понадобилось заводить магазин, – язвительно заметила я. – Ведь он не доверяет никому из покупателей! Того и гляди, наживет себе язву желудка. Почему бы ему не заняться чем-нибудь другим – таким делом, которое не привлекает шпану? В нашем квартале, например, не хватает химчистки.

Ганеш просиял:

– Мы с тобой могли бы...

– Нет, Ган, не могли бы!

– Химчистка – дело хорошее!

– Не выношу запаха химикатов, – решительно возразила я.

Мы возобновили давний спор. Все мы о чем-то мечтаем, как я и сказала Дафне. Ган мечтает о том, чтобы мы с ним вместе открыли какое-нибудь небольшое предприятие. Но при мысли о том, что я буду привязана к месту, меня передергивает. Какая же это мечта? Я прекрасно понимаю, из-за чего так психует Хари. Если мы с Ганешем тоже откроем магазинчик или химчистку, я скоро стану, как Хари, глотать травяные пилюли и доработаюсь до раннего инфаркта. Одна мысль о том, что я буду к чему-то привязана, наполняет меня, как говорят психологи, сильными негативными переживаниями, иными словами, пугает до дрожи.

Сейчас у меня нет ни работы, ни семьи. Зато у меня была – и есть – независимость, которую я ценю все больше и больше, когда вижу, какую цену платят другие за то, что отказались от своей независимости. Вот почему мы так хорошо спелись с Дафной. Ну а если ничем не владеешь, в том тоже нет ничего плохого. Если ты ничем не владеешь, значит, ничто не владеет тобой. Теперь у меня есть приличное жилье, но, кроме крыши над головой, у меня нет больше ничего. Кроме, конечно, такого друга, как Ган, что дорогого стоит.

Но возьмем, к примеру, самого Ганеша. У него целая куча добрых, хороших, любящих родственников. И все они возлагают на него большие надежды. Чужие надежды – тяжелое бремя для любого человека. На меня никто никаких надежд не возлагает – точнее, уже не возлагает. Когда-то на меня возлагали надежды папа и бабушка Варади, но я их подвела. Мне очень стыдно, и я всю жизнь буду жалеть о том, что не оправдала их ожиданий, но поделаться с этим уже ничего не могу. Прошлое изменить никому не дано. Можно лишь учиться на собственных ошибках, что тоже нелегко. «Учись на своих ошибках!» – говорят все с разной степенью самодовольства.

«Слушай, приятель! – хочется мне крикнуть, когда кто-то дает мне такой совет. – Мы ошибаемся, потому что мы люди. Мы плохо судим о человеческой натуре, легко поддаемся чужому влиянию, слишком добросердечны себе во вред или просто ленивы. И именно поэтому мы снова и снова наступаем на те же грабли!»

Наверное, можно сказать, что в конце концов повторение своих ошибок превращается в привычку, в образ жизни.

Не хочу сказать, что у меня нет никаких замыслов, надежд, ожиданий, что я ни о чем не мечтаю – называйте как хотите. Все у меня есть. Но до тех пор, пока я никому ничего не должна, кроме себя, Фран Варади, я никого, кроме себя, и не подведу. Мне нравится так жить!

Я встала, собрала тарелки и унесла в крохотную кухню. Я злилась, потому что уверяла, будто никто не возлагает на меня никаких надежд, и вдруг поняла, что, возможно, этим занимается Ганеш. Более того, похоже, что и Аластер возлагает на меня надежды. Оба они ожидают, что я так или иначе начну вести упорядоченный образ жизни. То есть включусь в общечеловеческие крысиные бега. А теперь появилась еще и Дафна. Если я не проявлю осмотрительности, скоро все они примутся на меня давить, и тогда мне придется уйти, уехать от них всех.

Но хватит обо мне. Не хочу, чтобы у меня развился психоз.

– Как поживают твои родители?! – крикнула я из кухни, наливая воду в чайник. – Удалось им найти жилье?

– Они осмотрели две квартиры. Сейчас Джей подсчитывает, какую из них они могут себе позволить.

Джей – бухгалтер. Зять-бухгалтер – приобретение очень полезное, и Пателы-старшие охотно прислушиваются к его советам. Однако голос у Ганеша звучал подавленно. Видимо, во всем остальном в Хай-Уикеме все идет далеко не так хорошо. Я вернулась в гостиную. Ган успел убрать со стола и теперь рассеянно слонялся по комнате, ставя всякие мелочи на место.

– Слушай, – сказала я, – они обязательно что-нибудь найдут.

– Ну да, найдут... Либо снимут дом в Хай-Уикеме и потребуют, чтобы я к ним перебрался и работал у них. Либо ничего не найдут, и мне придется остаться здесь с Хари.

– Почему ты не скажешь им, чего хочешь сам? – досадливо спросила я. – Ты ведь не можешь постоянно угождать всем!

Ганеш нахмурился.

– А пока, – отрывисто продолжала я, потому что не хотела, чтобы он хандрил, – как мы поступим с Алби?

Он медленно выдохнул сквозь стиснутые зубы и круто развернулся кругом – в воздухе мелькнули его длинные черные волосы.

– Никак! Или отведем в полицию – пусть там повторит свой рассказ! Наверное, он уже ничего и не вспомнит. Мы даже не знаем, где он сейчас.

– Ты сам говорил, он постоянно ошивается в нашем квартале. Можно его найти. Он – личность заметная.

– Здесь я с тобой согласен! – Он ткнул в меня пальцем. – Фран, а еще на него совершенно нельзя положиться! Когда похитили... точнее, когда ты предполагаешь, что произошло то похищение?

– Совсем недавно.

– Но когда? – не сдавался Ган.

– Да не знаю я! Придется еще раз его спросить!

Вот почему всю вторую половину дня мы потратили на поиски Алкаша Алби Смита.

* * *

Надо ли говорить, что мы его не нашли? Сначала мы вернулись на вокзал Марилебон и стали расспрашивать об Алби служащих, таксистов, стоявших снаружи, и всех, кто, по нашим представлениям, мог находиться на вокзале раньше. Как ни странно, довольно многие сразу понимали, о ком идет речь. Видимо, Алби считался местной достопримечательностью. Но никто не знал, куда он девается, когда не слоняется по вокзалу Марилебон... и не грозит побить прохожих у магазинчика Хари.

– Вот видишь? – с облегчением спросил Ганеш. – Мы сделали все, что могли. Он, наверное, раздобыл себе бутылку, напился и где-нибудь спит. Увидишь его снова, тогда и спросишь. А сейчас мы совершенно ничего не можем поделать. Мне по-прежнему кажется, что он все выдумал. Ты ведь угостила его кофе. Показала слабинку. Ему захотелось как-то с тобой расплатиться, вот он и выдумал интересную сказочку. Слушай, мне пора возвращаться в магазин, не то Хари будет волноваться.

– А когда он не волнуется? Надо сообщить в полицию.

– Фран, брось! Тебя вышвырнут из участка не дослушав. Ты ведь ничего не видела своими глазами. И про то, что Алби что-то видел, знаешь только с его слов. Будем смотреть правде в глаза: старик вряд ли покажется копам надежным свидетелем!

Спорить с Ганешем я не собиралась. Даже когда он в хорошем настроении, спорить с ним почти невозможно. Ганеш всегда рассуждает совершенно здраво. И чем разумнее он рассуждает, тем меньше мне хочется с ним соглашаться. Поэтому я его отпустила. Но не собиралась бросать начатое. Так легко я не сдаюсь! Надо хотя бы попытаться рассказать о случившемся. Поэтому я отправилась в полицейский участок.

* * *

Вопреки тому, что думают обо мне некоторые, я ничего не имею против наших доблестных стражей порядка. Правда, иногда кажется, что они имеют что-то против меня, но это их проблема. Наши отношения совсем испортились, когда у меня не было постоянного места жительства. Но даже сейчас, когда место жительства у меня имеется, со мной обращаются так, будто у меня богатое криминальное прошлое, чего на самом деле нет, могу добавить. Ган говорит: а чего я ожидала, если разгуливаю в дырявых джинсах и со стрижкой, которую, похоже, сделали газонокосилкой? Наверное, не помогает делу и моя вспыльчивость – ведь копы иногда бывают такими тупыми и непонятливыми! Я начинаю с ними спорить, а стражам порядка не нравится, когда с ними спорят... И все-таки, как правило, я полицейских не обижаю и надеюсь, что они не будут обижать меня.

Мой добровольный поход в полицейский участок оказался неправильным решением. Я сразу оказалась там не в своей стихии и, наверное, выглядела так, словно пришла сознаваться в том, что я – камденский убийца с бензопилой.

В участке царил тишина. За стойкой сидел пожилой дежурный сержант и пил чай из кружки, на которой было написано «Джордж». Чуть поодаль толстуха в красном плаще и черном берете жаловалась женщине-констеблю на соседа – как мне показалось, уже не в первый раз.

– Он нарочно разгуливает голым у меня на глазах! – говорила толстуха. – Каждый вечер подходит к окну!

– Мы навели справки, – ответила женщина-констебль. – Кроме вас, никто из соседей на него не жалуется, а он все отрицает.

– Каждый вечер! – не сдавалась толстуха. – И на нем нет ничего, кроме бейсболки!

Дежурный сержант, заметив, что я внимательно прислушиваюсь, поставил кружку и спросил:

– Да?

Я извинилась за рассеянность и сказала, что пришла дать показания.

– Вам к сержанту Хендерсону, – ответил дежурный. – Подождите вон там, посидите. Кстати, вы опоздали. Вы должны были явиться утром, ровно в десять.

– Почему я не могу дать показания вам? – удивилась я. Похоже, у сержанта сейчас не было других дел, кроме чаепития и, как я заметила, решения кроссворда.

– Все отпущенные условно-досрочно должны отмечаться каждый день, – ответил он, – у сержанта Хендерсона. Вами занимается он.

Я объяснила – очень сдержанно, учитывая, что он меня оскорбил, – что я пришла вовсе не отмечаться, а сообщить о преступлении.

– Что еще за преступление? – с подозрением спросил дежурный. – Кража? Безбилетный проезд?

– Ничего подобного. Дело куда серьезнее. – Он просветлел, и я быстро добавила: – Хотя я сама ничего не видела.

Мои последние слова все испортили. Сержант уже взял было ручку, но, услышав мои последние слова, положил ее и наморщил лоб. В моей душе крепло подозрение, что Ганеш был прав.

Я решила, что не дам ему перебить себя, и постаралась как можно быстрее передать ему рассказ Алби.

Женщина, которая явилась жаловаться на соседа, наконец проявила ко мне интерес. Она даже перестала спорить с женщиной-констеблем и всем телом развернулась ко мне.

Судя по виду дежурного сержанта, он сильно жалел, что ему еще далеко до пенсии.

– Так, давайте-ка уточним, – сказал он. – Какой-то старик, с которым вы случайно познакомились на вокзале, сообщил вам, что стал свидетелем похищения. Почему он сам не пришел в полицию?

– Потому что он живет на улице, – объяснила я, – и лишние неприятности ему ни к чему.

Сержант театрально закатил глаза:

– Живет на улице? Вот теперь мне все ясно! И как его зовут, вы, скорее всего, не знаете... Давайте посмотрим правде в глаза. Мы не можем открывать дело на основании того, что вы только что мне сообщили. Половина этих старых бродяг сумасшедшие. Мягко выражаясь, живут в своем мире. Потому что пьют все, что горит. На то, что они принимают внутрь, невозможно даже смотреть без рези в глазах. Мы с вами сразу же отравились бы. Они утратили всякую связь с реальной жизнью. И даже если в его словах есть доля истины, у всех таких старых пьяниц нелады со временем. Они говорят, например, что то или иное событие произошло вчера, а оказывается – сорок лет назад. Конечно, если вы знаете, как его зовут, мы попробуем разыскать его и все проверить.

В целом сержант, конечно, был прав. Но мне не верилось, что выпивка погубила Алкаша Алби, несмотря на его кличку. Я знала, что прикончило Алби как личность. Он выпал из обычного мира в тот день, когда ему пришлось расстаться с Фифи, Мими и Чау-Чау. Какая-то добрая женщина забрала собак и обещала найти для них новые семьи. Но с тех пор он каждый день гадает, что на самом деле случилось с его пуделями (к тому же один из них, скорее всего, был псом-алкоголиком).

– Вообще-то я знаю, как его зовут, – гордо ответила я, уверенная, что произведу на сержанта впечатление. – Алберт Антони Смит!

Да, мои слова действительно произвели на него сильное впечатление. Он выронил ручку и громко расхохотался:

– Что?! Старый Алкаш Алби угостил вас своей сказочкой? Ну надо же, я столько времени вас слушаю, а оказывается, речь идет о байках старого Алкаша! – Сержант доверительно склонился ко мне: – Слушайте, мы отлично знаем старика Алби. Трезвым он вообще не бывает. Его можно назвать только более или менее пьяным – зависит от градуса. Дорогуша, он никогда ничего не видел, вы уж мне поверьте!

– Когда он со мной говорил, он не был пьяным, – возразила я. – Он пил кофе.

– Значит, это случилось с ним в первый раз! Чтобы старый Алкаш Алби пил что-то негорючее?

– Я сама угостила его кофе, – не сдавалась я. – И знаю, что именно он пил. По-моему, он в самом деле видел то, о чем мне рассказал!

Сержант добродушно улыбнулся мне, как улыбаются дурачкам, всю жизнь пребывающим в блаженном неведении:

– Послушайте, дорогуша. Ему только кажется, будто он что-то видел. Он и вас убедил, что в самом деле что-то видел. Может, старик и сам верит в свою историю. Но Алби много чего видит, когда он в подпитии. Галлюцинации у него, ясно? Возможно, он и не был пьян, когда вы с ним говорили, но поверьте, в ту ночь, когда он, как он утверждает, видел похищение, он наверняка был пьян в стельку. Так что не волнуйтесь. Ничего не случилось.

– Вот так они говорят всегда! – обратилась ко мне толстуха тоном человека, который успел настрадаться от недоверия стражей порядка. – А я, между прочим, видела его так же ясно, как сейчас вас, и на нем ничего не было!

Женщина-констебль решительно сказала:

– Миссис Парриш, по-моему, вы ошибаетесь, вы приходите сюда уже в третий раз за неделю! Мы здесь, видите ли, очень заняты! Я переговорю с социальным работником.

– Вот видите, с кем нам приходится иметь дело? – хрипло прошептал мне сержант. – Она через день является сюда и жалуется на соседа. А все от одиночества!

Возможно, это меня и доконало: мысль о том, что меня ставят на одну доску с психопаткой, которая видит в каждом окне голых мужчин. Кроме того, в душе зародилось подозрение, что сержант прав насчет Алби. Я почувствовала себя полной дурой, но попыталась сохранить хотя бы остатки гордости:

– Послушайте, я знаю только то, что он мне рассказал, и пришла сообщить об этом. Похищение – тяжкое преступление, ведь так? Ваш долг – все проверить! Во всяком случае, я веду себя как законопослушная гражданка и хочу, чтобы вы записали в журнал все, что я сообщила вам!

Кое-что о полицейских участках известно и мне. Дежурные обязаны записывать в особый журнал сведения обо всех происшествиях, о которых им сообщили.

Добродушная улыбка тут же исчезла с лица сержанта.

– Если бы вы знали, сколько нам приходится заниматься бумажной волокитой, вы бы не просили меня напрасно тратить драгоценное время и записывать бред Алкаша Алби!

Но я не уходила, и сержант вздохнул:

– Хорошо. Сделаю из себя посмешище. А вас как зовут?

Я сказала, как меня зовут, и продиктовала свой адрес.

– Вы хотя бы предположите, что такое могло случиться! – взмолилась я.

– Непременно, мадам! – насмешливо ответил он. – Обзвоню все газеты и передам, чтобы не занимали первую полосу... и так далее.

Я уже ушла, а толстуха все жаловалась на то, что к ней пристают эксгибиционисты. Второй регулярно досаждал ей на автобусной остановке...

* * *

Выйдя из участка, я испытывала злость, досаду, смущение – и теперь уже решимость довести дело до конца. Мне по-прежнему казалось, что Алби рассказал правду, и больше всего на свете хотелось доказать, что именно так все и было. стыдно признаться, но порыв стереть с лица сержанта самодовольную ухмылочку оказался в тот миг гораздо более мощным стимулом для моего расследования, чем желание спасти невинную жертву похищения. О ней я тогда почти забыла. Не совсем забыла, но не она занимала мои мысли. Надеюсь, вы меня понимаете.

Подойдя к дому, я немного остыла и вспомнила, что кое-кому грозит серьезная опасность, и только я оказалась равнодушной и испытываю потребность помочь этому кому-то. Пусть я и считаю себя свободной от всяких обязательств, это не значит, что у меня нет совести. Надо непременно разыскать Алби и заставить его повторить его рассказ. Может быть, его затуманенная голова выдаст еще какие-нибудь подробности. Чем больше времени пройдет после похищения, тем вероятнее, что он все забудет.

Надо же попытаться как-то помочь похищенной девушке. Но сейчас я понятия не имею, как разыскать очевидца, тем более непонятно, как освободить жертву. Ничего, будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

Вечерело, ветер утих. Погода наладилась. Может быть, завтра будет уже не так хорошо. Мне хотелось бы бродить по улицам в хорошую погоду. Я вошла в квартиру. Лучшие детективы начинают расследование с чашки чая.

Глава 3

В тот вечер Ганеш явился к половине девятого и забарабанил в мою дверь условным стуком.

– Хари все волновался, не украли ли деньги из кассы, и пересчитывал их целую вечность. Наконец-то все закончилось – до завтра. – Он ссутулился на синем репсовом диване и вытянул ноги в направлении к мерцающему экрану маленького телевизора. Вид у него был усталый.

Хари открывал магазин рано утром из-за газет, но закрывался ровно в восемь, обычно минута в минуту. Конечно, не закрывая магазин допоздна, можно заработать лишние деньги, зато возрастает риск неприятностей со стороны малолеток, которые сбиваются в шайки и бродят по кварталу, высматривая, что плохо лежит. Позже опасность исходит от хамоватых завсегдатаев пивных, которые нехотя расходятся по домам после закрытия. Для таких владельцы мелких магазинчиков – естественная добыча. Хари предпочитал не рисковать.

Либо из-за старости, либо оттого, что мы находились под землей, телевизор принимал плохо, изображение двоилось. Где-то на уровне локтя диктора колыхался его призрачный двойник. Ганеш как будто ничего не замечал. Может быть, просто смотрел на движущиеся фигуры, но ничего не видел.

– Хари меня допек, – сказал он. – Боюсь в скором времени совсем от него спятить. Сегодня заставил меня пересчитывать упаковки с мятными пастилками. Нет, я не хочу сказать, будто мятные пастилочки не воруют. Шпана тащит все просто из принципа. Для половины из них это просто игра. Но таскать мешки с картошкой и то было легче!

Если Ганеш пришел к такому заключению, значит, он действительно на пределе.

– Картошку хотя бы никто не ворует...

Я рассказала ему, что побывала в полиции; видимо, по моему тону он догадался, какой я там имела успех.

Ганеш буркнул:

– А что я тебе говорил?

Его слова не утешили, а, наоборот, разозлили меня.

– Опускать руки я не собираюсь! Завтра же пойду искать Алби. Ведь где-то же он есть!

Ганеш встрепенулся:

– Фран, нельзя же заглядывать во все подъезды и расспрашивать алкашей и психов!

Я возразила: не все, кто спит на улице, сумасшедшие и маньяки. Было время – тогда мне пришлось особенно туго, – я сама ночевала под открытым небом.

Мне еще повезло, потому что спать на улице мне пришлось всего одну ночь. Тогда я была совсем юная; случилось это вскоре после того, как бабушку Варади забрали в дом престарелых. После папиной смерти она оставалась моей единственной родственницей; у нее я и жила. Но квартира, в которой мы жили, сдавалась на ее, а не на мое имя, и хозяин тут же выставил меня. Пришлось идти на улицу, со своими пожитками в рюкзаке. Думаю, на мою судьбу домоладельцу было наплевать.

Тогда стояло лето, и я думала – будучи невинной или глупой, это уж как хотите, – что спать на улице, возможно, не так плохо, если пойти в ближайший парк. До того, как покинуть дом, я незаметно для хозяина выбралась на задний двор и стащила кусок брезента из сарая, чтобы поставить палатку. Наверное, вообразила себя героиней из «Великолепной пятерки»¹.

Я совсем забыла, что по ночам парк запирают, и это была только первая трудность. Пришлось перелезть через ограду. Потом выяснилось, что не одна я такая умная. Все скамейки

¹ «Великолепная пятерка» – серия детективов для детей английской писательницы Энид Блайтон. Первая книга вышла в 1942 г., последняя – в 1963 г. Герои книг – четверо подростков и пёс.

оказались заняты, и у каждого кустика имелся хозяин. На чье-то общество я тоже не рассчитывала.

Многие из тех, кто проводил ночи в парке, оказались нездоровыми во многих смыслах слова. До меня быстро дошло, какой опасности подвергаюсь, и я оставила мысль о палатке. Вместо этого я завернулась в свой брезент, как в доспехи, заползла в самую се редуину большой клумбы и провела ужасную бессонную ночь среди роз сорта «флорибунда». Я твердила себе: если кто-нибудь попытается напасть на меня, он не сможет приблизиться бесшумно, и я сразу все пойму.

На следующий день мне повезло. Я случайно встретила на улице знакомого, с которым мы вместе занимались на курсе актерского мастерства. Знакомый привел меня в сквот, где жил сам. Мне нашлось там местечко. Дом, который мы самовольно занимали, был предназначен к сносу. Стекла в окнах были выбиты, половицы сгнили, зато там было сухо и безопасно. Поверьте мне, никто из тех, кому не приходилось ночевать на улице, не может по-настоящему оценить, что такое «сухо» и «безопасно».

То был первый из многих сквотов, в которых мне довелось пожить. Я дала себе слово, что больше не повторю своей ошибки и не стану ночевать на улице. На ту ночевку в парке я смотрела как на низшую точку падения. По сравнению с ней все казалось не таким уж плохим, как бы туго мне ни приходилось. В общем, моя жизнь постепенно налаживалась.

Мы с Ганом немного поссорились из-за Алби. В конце концов он сказал:

– Слушай, старик ведь сам сказал тебе, что в холода он целыми днями торчит в метро, а сейчас как раз холодно. Так что вряд ли ты его найдешь – если только тебе не хочется с утра до ночи кататься в подземке.

– А может, он вернулся на вокзал. Пусть даже не на Марилебон, на какой-нибудь другой. Может, на Паддингтонский перебрался? Он ведь на линии Бейкерлоо. Если его вышвырнули из метро на вокзал Марилебон, ему достаточно было спуститься к поездам, проехать две остановки в северном направлении и снова попытаться счастья.

– Прочесывай все вокзалы, если хочешь, но, если его там не будет, больше ничего не предпринимай до вечера. После работы я присоединюсь к тебе, и мы вместе обойдем все окрестные подъезды. Вечером мы его скорее найдем... Ну что, договорились?

На том мы и порешили. Ганеш успел немного развеселиться и предложил спуститься поужинать в закусочную, где подавали печеную картошку.

* * *

Закусочной заправлял считавший себя в Лондоне ссыльным шотландец по прозвищу Куряка Джимми. Кстати, картошка у него тоже была не местная, а кипрская. Если хотите узнать, за что Джимми получил свое прозвище, посмотрите на его оранжевые пальцы и ногти цвета красного дерева. Правда, надо отдать ему должное, при посетителях Джимми не курит. Он выходит в коридорчик, куда можно попасть из общего зала через узкую дверцу за прилавком.

Картошку в закусочной подают с начинкой по выбору, правда, выбор невелик: сыр, чили кон карне – то есть фарш с острым перцем и фасолью – и печеная фасоль, причем две последние начинки подозрительно похожи по вкусу. Несмотря на бесконечные разговоры о превосходной шотландской говядине, думаю, Джимми готовит чили кон карне, просто добавив в печеные бобы бульонный кубик и щепотку порошка карри.

В тот вечер, когда мы пришли, в зале сидел только один растерянный клиент; он уныло сгорбился над угловым столиком и педантично исследовал содержимое своей тарелки, разрезая печеную картофелину на маленькие бесформенные кучки пюре и бобов. Смотреть на него было все равно что следить за человеком, который боится проглотить счастливую сереб-

ряную монетку, запеченную в рождественском пироге. Возможно, он заказал картошку чили кон карне и сейчас искал мясо. Оптимист! Я мысленно пожелала ему удачи.

Джимми принял у нас заказ и взял деньги. Джимми всегда берет деньги вперед, до того, как вы увидите свою печеную картофелину. Потом он вручил нам карточку с номером, несмотря на отсутствие очереди, и велел садиться, куда мы хотим.

Мы выбрали один из нескольких засаленных столиков, я положила на столешницу карточку с номером, вытерла сиденье стула и села. Ган положил руки на стол, сдвинув карточку, и сказал:

– Я вот все думаю.

– О чем? – спросила я.

– Допустим, старик действительно видел похищение. Значит, кто-то пропал, так? Жертва, я имею в виду. Возможно, полиция еще не в курсе, но кто-то ведь знает, что девушка пропала! Ее должны хватиться.

– Продолжай... – кивнула я.

У нас было достаточно времени, чтобы все обсудить. Джимми скрылся в коридорчике, и сразу сквозь щель в пространстве за прилавком повалили клубы сизого дыма. Я обрадовалась, что Ганеш сменил гнев на милость и наконец начал воспринимать Алби всерьез. Люблю, когда Ганеш подключается к решению той или иной задачи, потому что его рассуждения обычно оказываются разумными.

Так получилось и сейчас. Он прав. Домашняя девушка, которая живет в лоне любящей семьи, не может ни с того ни с сего взять и исчезнуть. Никто не заметит, если исчезну я, кроме Ганеша и, может быть, Дафны. Хотя Дафна, возможно, подумает, что я просто ушла. А если Ган уедет жить в Хай-Уикем, о моем исчезновении он узнает очень не скоро. Неприятная мысль! Фран Варади, девушка, по которой никто не скучает...

– Возможно, похитители сказали ее родным: не звони те копам, а то хуже будет. Родственники, может быть, надеются, что справятся сами.

В словах Ганеша, как всегда, имелось рациональное зерно. Возможно, именно поэтому дежурный сержант отнесся к моим словам так равнодушно. Если бы он знал, что на его участке похитили человека, рассказ Алби, независимо от того, кем он был, сильно всколыхнул бы их всех.

Звякнула микроволновка. Джимми, окруженный клубами дыма, вышел из коридорчика, похожий на инопланетянина в дешевом кино, достал картошку, подошел к нам и царственным жестом поставил перед нами тарелки.

Картофелины были настоящими великанами: пережаренными до светло-коричневого цвета насквозь, с пересохшей шкуркой, сморщенные, тускло мерцающие, как глаза у носорога. Сыр в моей начинке совсем расплавился и превратился в ярко-желтую клейкую лужицу; он залил и салат, который полагался на гарнир. Надо было заказать с бобами, как Ганеш.

– Вот, пожалуйста – кстати, я положил вам побольше салата, – указал Джимми.

Да уж, удружил так удружил. Два ломтика незрелых помидоров и три ломтика увядшего огурца плавали в желтом сырном море вместе со сморщенным, прозрачным салатным листиком.

– И начинки положил двойную порцию! – с видом необычайной щедрости продолжал Джимми, как будто он – президент Франции и награждает нас орденами Почетного легиона.

Мы испуганно поблагодарили его, боясь, что такая щедрость неспроста. Так оно и оказалось.

Джимми облокотился о стол, обнажив ужасно волосатые предплечья, и обратился ко мне:

– Я все надеялся, что ты зайдешь, дорогуша. Ты ведь у нас актриса, так?

– Д-да... – ответила я. – Но пока не вступила в профсоюз.

– Для того, что я хочу тебе предложить, никакой профсоюз не нужен. У меня есть для тебя работенка!

Ганеш в виде шутки спросил:

– Ей что, придется одеться картошкой и бегать по улице, рекламируя вашу закусочную?

Я сразу пожалела, что он так сказал, потому что такой вариант не приходил в голову Джимми, зато задумался над ним сейчас. Он наморщил лоб.

– А знаешь, неплохая мысль! Может, в другой раз, а?

– Ну уж нет! – отрезала я. Даже за лишнюю порцию салата и сыра.

– В общем, твой дружок почти угадал. Хочешь стать моделью?

– Мне придется раздеваться? – спросила я, потому что, когда предлагают «стать моделью», обычно имеют в виду именно это. Нет, я вовсе не ханжа и не отличаюсь излишней стыдливостью, если речь идет о настоящем искусстве. Но раздеваться на крошечной сцене перед толпой пьяных зрителей, заскочивших по-быстрому пообедать, по-моему, все-таки не искусство. Я сказала Джимми: если он имеет в виду нечто в этом роде, может сразу забыть.

Он даже обиделся:

– Нет, нет, речь не обо мне. У меня есть один знакомый, молодой парень. Его зовут Ангус, и он художник. Он шотландец, как и я. Сейчас ему очень нужны наличные, и я взял его на работу. Он работает по утрам, моет зал, убирает со столов и все такое. Своим искусством он пока ничего не зарабатывает. Но настроен серьезно. И потом, он оч-чень талантливый. – Джимми кивнул и помолчал, давая нам усвоить сказанное.

Ганеш недоверчиво сдвинул брови и переключил внимание на еду.

Но Джимми сосредоточился на мне:

– Вот, понимаешь, в чем дело. Парню нужна натурщица, модель. Одна была, но она его подвела. Сломала ногу, бедняжка, и теперь лежит со стальной спицей в лодыжке. А он уже договорился насчет выставки и попал в затруднительное положение.

Я все понимала, но по-прежнему была полна подозрений и заметила, что кругом достаточно профессиональных натурщиц. Джимми ответил, что дело не только в этом. Мне придется не только сидеть на стуле и терпеть, чтобы меня рисовали. Короче говоря, не соглашусь ли я зайти сюда завтра утром, часов в десять? Тогда Ангус как раз освободится; он уже закончит мыть полы и все сам мне объяснит. Он же, Джимми, со своей стороны, положив руку на сердце может обещать мне, что все абсолютно законно и за работу мне заплатят.

Мне нужны были и работа, и деньги, поэтому я согласилась прийти в десять утра и познакомиться с талантливым художником. И все же я настояла на том, что ничего не обещаю. Мне и раньше предлагали кое-что сделать за плату. И потом, если Ангус сейчас вынужден мыть полы в закусочной у Джимми, вряд ли у него много лишних денег и, следовательно, возможностей платить натурщицам.

– Не соглашайся! – посоветовал Ганеш, когда Джимми вернулся за прилавок.

Совет был хорош, но, как всегда, если Ганеш советовал мне чего-то не делать, я поступала наоборот.

* * *

Мы не спеша отправились домой – ко мне домой то есть. Было половина одиннадцатого, и в пивные набились пьяницы, которые спешили выпить последнюю пинту до одиннадцати, когда закрывались все местные пабы. В «Розе» в конце улицы все окна были открыты, несмотря на холодную ночь; надо было выпустить дым и пар произведенный толпой выпивох.

«Роза» – подлинный кусочек старого Лондона, сохранившийся почти в первозданном виде. Здание снаружи и изнутри выложено коричневой плиткой, теперь здесь уже не было земляного пола, посыпанного опилками, зато атмосфера сохранилась та же – откровенно дешевая

и низкопробная. Все остальные питейные заведения в округе облагородили, и теперь в них ходит «чистая публика», «всякие хлюпики» или «одни гомосеки». Мнение зависит от того, кто вы такой – агент по недвижимости или завсегдатай «Розы».

Старая пивная полна жизни. В ту ночь там исполняли живую музыку. Либо что-то пошло не так со звуком, либо группа оказалась хуже обычного. Между взрывами хохота, неодобрительным ревом и – время от времени – звоном бьющегося стекла из зала доносились нестройные вопли и фальшивые гитарные аккорды. В общем, в «Розе» все шло как обычно. Как ни странно, серьезных неприятностей «Роза» никому не доставляет. Владелец нанял барменами двух боксеров-профессионалов, которые бдительно следят за порядком. Женщин за стойку «Розы» не допускают.

Кроме того, в «Розе» не подают никакой еды – разве что соленые орешки или картофельные чипсы. У них честное питейное заведение, а вовсе не какой-то вшивый ресторан, как любит объяснять владелец, если какой-нибудь случайно забредший чужак попросит меню. Предвкушая ночной исход несытых, но пьяных завсегдатаев, на позицию к пивной уже выдвинулся автобуфет, хозяин которого предлагал хот-доги. В нашу сторону неслись клубы едкого дыма. Рядом со своей передвижной закусочной владелец поместил плакат, гласивший: «Три хот-дога по цене двух! Идеальная цена!»

Лично я считаю, что завсегдатаям «Розы» к тому времени, как они выходят на то, что считается здесь свежим воздухом, такая высшая математика уже не под силу.

– Эй, Дилип, привет! – окликнул Ганеш владельца автобуфета. – Как дела?

Торговец хот-догами выпрямился. Самым примечательным в нем было квадратное телосложение – в ширину такой же, как в высоту, крепкий, как кирпичная стена, с моржовыми усами.

– Вот, видите? – спросил он, указывая на плакат.

Мы, как положено, восхитились его деловой сметкой. Ганеш робко поинтересовался:

– С чего вдруг распродажа?

– Пусть думают, что кое-что получают даром, – ответил Дилип. – В наши дни только так и можно делать дела!

Они с Ганешем принялись обсуждать общий спад экономики, какой бы ни была его природа. Словно иллюстрируя их рассуждения, к автобуфету подошли две малолетние проститутки. Вид у обеих был довольно унылый; видимо, клиент не шел. Одна щеголяла в красных легинсах в обтяжку – не слишком удачный выбор, потому что ноги у нее были костлявые, а бедра не отличались от лодыжек. Привлекательными они были не более чем две спички. На ее напарнице была короткая юбка, ее ноги в кружевных колготках служили разительным контрастом с ногами девицы в красных легинсах: они раздувались на икрах и сужались к непропорционально узким лодыжкам, напоминая две перевернутые пивные бутылки. Наряд девицы дополняла серебристая куртка. Навскидку я дала бы девчонке в красных легинсах лет тринадцать, а ее подружке – четырнадцать.

Они устроились у стены; девчонка в красных легинсах достала карманное зеркальце и начала разглядывать прыщик на подбородке.

– Ты только посмотри! – захныкала она. – Они прям как знают, когда я выхожу на работу!

– Попробуй замажь той зеленой замазкой, – посоветовала Серебряная Куртка.

– Да кто меня снимет с зеленой-то рожей? – обиделась ее напарница.

– Да ладно тебе, это основа, только зеленая. Намажься сверху, как обычно, и ничего зеленого не будет, когда закончишь.

– Врешь! – возразила прыщавая по-прежнему недоверчиво.

Я могла бы кое-что рассказать им обоим о сценическом гриме, но Серебряная Куртка бросила на меня озадаченный взгляд. Наверное, решила, что я тоже промышляю их ремеслом и составляю конкуренцию.

Я отошла подальше от них – и от придушенных звуков, издаваемых группой в баре. Чуть в стороне стояли припаркованные машины. Может быть, они принадлежали жильцам верхних этажей над ближайшими магазинами, а может, завсегда ям «Розы». Вдруг я заметила старую «картину» с длинной белой царапиной на крыле и подошла к ней.

Таких машин, наверное, целая куча. Но только не в нашем квартале... Я нагнулась, заглянула в салон через окошко и встретила с выпученными глазами кота Гарфилда на штормке. Пригнувшись ниже, чтобы не смотреть в его вытянутые лапы, я разглядела нечто вроде отверстия на том месте, где положено было находиться автомагнитоле. Ничего необычного для большого города. Дворники, антенны, хромированные эмблемы, магнитолы... отсутствие, а вовсе не наличие таких предметов роскоши считается обычным, если вы оставите машину без присмотра.

Несмотря на то что машину можно было назвать развалюхой и ее как будто уже ограбили, наклейка на стекле предупреждала, что в машине установлена охранная сигнализация. Видимо, на одного Гарфилда владельцы не полагались.

Я, правда, знала, что не все наклейки настоящие. Интересно, что будет, если подергать дверцу... Я робко потянулась к ней.

– Фран! – окликнул меня Ганеш. – Зачем ты слоняешься вокруг этой раздолбанной тачки?

Я поманила его к себе. Не говоря ни слова, указала на машину. Когда до него дошло, что означают марка и царапина, я добавила:

– И цвет подходящий.

Ган окинул «картину» скептическим взглядом.

– Скорее всего, ее владелец живет где-нибудь здесь. – Он показал на окна верхних этажей ближайших к нам зданий. – А тебе когда-нибудь приходило в голову, что, если она все время здесь стоит, Алби мог ее просто запомнить? Когда ему понадобилось описать машину для сказочки, которую он тебе рассказал, он выбрал ее. Это не значит, что на ней уехали похитители.

Но у меня в душе крепла уверенность. Уверенность в том, что машина именно та.

– Ган, это она. Та машина, которую мы ищем.

– Нет, – решительно возразил Ганеш. – Мы ее вовсе не ищем! Ты – может быть. Я – определенно нет.

Мне не хотелось сдаваться.

– Твой приятель Дилип постоянно здесь работает? Если да и если машина принадлежит завсегда ям, он наверняка тоже ее запомнил. Иди и спроси его!

Ганеш сунул руки в карманы и обреченно зашагал к автобусу. Дилип успел скрыться в фургоне и готовился к ночному наплыву покупателей. Они обменялись несколькими словами, и Ганеш вернулся:

– Дилип ее не помнит.

– Значит, ее хозяин сейчас в пивной. Давай выясним, кто он!

Ветер усиливался. Он теребил длинные черные волосы Ганеша и стучал по плакату Дилипа, который упал надписью вниз на тротуар.

Ган нагнулся и поднял плакат. Он установил его между бортом фургона и бордюром, чтобы не падал, и подошел ко мне:

– Что думаешь делать? Проболтаемся здесь до закрытия? Возможно, мы напрасно потратим время, а сейчас холодает.

Я отметила угрожающие нотки в его голосе.

– Если ты не боишься, есть более быстрый способ выманить его оттуда.

– С ума сошла? – Ган пришел в ужас. – Что мы скажем, когда он выбежит из пивной с парой приятелей и обвинит нас в том, что мы пытались взломать его тачку?

– Мы скажем, что увидели, как по улице убегают малолетние хулиганы. Мы просто стояли у фургона с сосисками и болтали с Дилипом. Мы ничего не замечали, пока не услышали шум, а потом увидели шпану.

– Нет! – решительно возразил Ганеш.

* * *

Все-таки наклейка оказалась не фальшивой! Развалюха в самом деле стояла на сигнализации, и она сработала, да еще как! Но я не предусмотрела одного. Из-за шума и грохота в пивной воя сигнализации никто не услышал. В результате никто не вышел, чтобы выключить проклятую штуковину.

Зато в окнах квартир ближайших домов стал зажигаться свет. Вскоре разъяренные жильцы, одетые, полуодетые и совсем раздетые, принялись вопить, чтобы кто-нибудь выключил поскорее этот чертов вой.

– Ты все начала, – сказал Ган. – Что теперь будем делать?

Дилип, стоявший за прилавком своего автобуфета, посоветовал:

– Бегите отсюда, и как можно быстрее. На вашем месте я бы так и поступил. Я скажу им, что машину пытались вскрыть малолетки.

Но я понимала, что другой такой возможности у нас не будет. Велела Ганешу подождать, а сама решительно толкнула дверь «Розы».

Зал плавал в клубах сизого дыма; кислорода здесь не было совсем. Стоя на пороге, я не видела стойки. И невыносимо воняло смесью пивного перегара, табака, дешевого лосьона после бритья и пота. Я некоторое время постояла у входа, хватая ртом воздух и вытирая слезящиеся глаза.

Смутно, сквозь густую завесу дыма, я разглядела приподнятую сцену на противоположном конце зала. Там-то и расположилась группа. К счастью, они как раз закончили играть и разбирали аппаратуру. Стены пожелтели от никотина, а тюлевые занавески (да-да, тюлевые, и пусть никто не говорит, что владельцы «Розы» не умеют ценить прекрасное!) давно стали серовато-коричневыми. Ковровое покрытие настолько выцвело, что невозможно было определить, какого оно было цвета и какой на нем раньше был узор. На полу валялись смятые окурки; ковровое покрытие украшало столько прожженных дыр, что хозяйева, наверное, перестали обращать на них внимание.

Я бочком пробралась к стойке и попыталась привлечь к себе внимание одного из двух мускулистых барменов – безрезультатно. Оба спешили побыстрее исполнить последние перед закрытием заказы, а я находилась в конце очереди. И потом, в «Розе» не любили, когда женщины подходили к стойке. Здесь уважают традиции. В зале вообще находилось сравнительно мало женщин, да и те немногие были настроены воинственно и хрипло кричали, чтобы их услышали.

На уроках сценической речи первым делом учат не орать. Главное – яркое звучание. На курсе актерского мастерства ставят дыхание, учат искать опору в теле, дышать с помощью диафрагмы... Каждое слово должно быть слышно в последнем ряду галерки.

– Кто хозяин синей «кортины» с царапиной на крыле? – пропела я в лучших традициях шекспировских трагедий. Генри Ирвинг² бы мною гордился.

Все получилось. Наступила короткая пауза. Все повернулись в мою сторону. Лица в дыму казались мне размытыми пятнами. Один из барменов спросил:

– В чем дело, дорогуша?

² Ирвинг Джон Генри (1838 – 1905) – знаменитый английский трагик.

Дело не в том, что он меня расслышал. Он не мог поверить, что услышал меня – особенно учитывая мою комплекцию: моя голова едва доставала до барной стойки.

Я повторила вопрос нормальным голосом, добавив:

– Вокруг нее ошивается какая-то шпана.

В доказательство моих слов снова взвыла сигнализация. Теперь, в наступившей тишине, ее услышали все.

– Мерв! – крикнул кто-то. – А это, случайно, не твоя тачка?

Толпа заволновалась и расступилась, как воды Красного моря перед израильтянами. Ко мне двинулась какая-то мощная фигура, и я сразу показалась себе маленькой христианкой, которая очутилась лицом к лицу с очень крупным и очень голодным львом.

Мерв был высоким, мускулистым блондином, похожим на кусок свиного сала. Такие, как он, считают обязательным в любую погоду ходить в майке без рукавов, демонстрируя мускулистые руки, от запястий до плеч покрытые татуировками. Татуировки на одной руке выдавали его интерес к гробам, черепам и кинжалам. На другой я увидела старомодную пушку и слово «Канониры», наколотое прописными буквами. Я сразу поняла: если Мерв и способен на преданность, в чем я сомневалась, его сердце безраздельно принадлежало футбольному клубу «Арсенал». Его почти белые волосы были подстрижены чуть-чуть не под ноль. Круглые глаза имели цвет шифера. Брови и ресницы полностью отсутствовали... Но больше всего меня обеспокоило вовсе не выражение его глаз, а полное его отсутствие. В двух стеклянных шариках и то больше жизни. Я сразу поняла, что столкнулась с настоящим зомби.

Впрочем, зомби оказался говорящим.

– Что там с моей тачкой? – буркнул он.

– Какие-то малолетки... – Голос у меня сел. – Хотели, наверное, угнать и покататься...

Он отпихнул меня в сторону и зашагал к выходу. Споткнувшись, я отлетела к стойке и довольно сильно ударилась. Толпа снова сомкнула ряды. Бармены снова принялись энергично разливать пиво, а группа на сцене продолжила собирать инструменты. Я затрусилась к выходу, чтобы посмотреть, что там происходит.

Ганеш стоял рядом с Дилипом за прилавком автобуфета; они дружно готовили хот-доги для малолетних «ночных бабочек». Сигнализация наконец умолкла, Мерв, стоя у машины, обменивался оскорблениями с жителем одной из квартир.

– Ах ты...! – заорал жилец, захлопывая окно.

Мерв, по-прежнему не обращая на меня внимания, решительной походкой направился к автобуфету. Руки у него были полусогнуты, кулаки сжаты.

– Вы их видели? – хрипло осведомился он.

– Нет, приятель, мы заняты были, – ответил Ганеш. – Хот-дог хочешь? Купи два, один получишь бесплатно. То есть всего получится три, – пояснил он.

Ответом ему послужил стеклянный взгляд.

– Значит, вы никого не видели... никаких малолеток?!

Мерв оказался не таким тупым, как выглядел. Он был подозрительным.

Помощь пришла неожиданно. Малолетняя «ночная бабочка» в серебряной куртке сказала:

– Я видела малолеток. Они нам уже попадались. Угоняют машины, чтобы покататься. Они всегда здесь промышляют. Жильцы уже написали жалобу, чтобы их поймали. – Она посмотрела на Мерва в упор: – Ты один или с другом? Мы с подружкой знаем один классный ночной клуб.

Мерв издал теперь уже знакомое рычание и вернулся в паб.

– Ну и ладно, он мне все равно не понравился, – сказала Серебряная Куртка.

Ее напарница в красных легинсах откусила кусок хот-дога и ловко поймала каплю горчицы длинным, как у ящерицы, языком.

- Мне он показался настоящим психом, – призналась она.
Ганеш выпрыгнул из задней дверцы фургона.
- Ну что, довольна? – спросил он. – Теперь нам можно уходить?

Глава 4

В ту ночь мне отчего-то не спалось. Я все время думала о Мерве, о его разбитой тачке, о старом Алби и обо всем остальном. От столкновения с барной стойкой у меня остался синяк под левой лопаткой; теперь у меня перед Мервом должок. Синяк подхлестывал мою решимость, но не помогал разобраться с мыслями.

Возникла и другая трудность. Как выяснилось, подземная спальня без окон мне в самом деле не подходила. Как я ни старалась, не могла в ней расслабиться. Обстановка там была неестественной, и я никак не могла к ней привыкнуть. И потом, хоть я и оставила дверь открытой, там мне казалось очень душно. Я держала дверь открытой не только из-за духоты. Мне не хотелось думать, что я заперта.

Я ворочалась с боку на бок, смотрела в темноту и перебирала мало связанные между собой кусочки информации, оказавшиеся в моем распоряжении. Как в калейдоскопе, который был у меня в детстве: всякий раз, как я встряхивала разрозненные факты, они образовывали совершенно другую картинку. Общего между этими картинками было только одно: они все были зловещими, запутанными – и не выдерживали критики. В голову не приходила ни одна простая, логичная и безупречная версия. Я бежала по следу, не видя ни единой вехи.

Время от времени у меня над головой слышались шаги; они гулко отражались от стен моей комнатки. Мне все больше казалось, будто меня похоронили заживо. Завтра, решила я, постелю себе на диване в гостиной. Сегодня я последнюю ночь сплю в этой гробнице! Я тихонько бормотала себе под нос, как мантру:

Спать ложась, прошу тебя:
Господи, храни меня.
И если я умру во сне,
Господь, возьми меня к себе.

Детская молитва на ночь все упрощала, так сказать, возвращала к истокам. Одни и те же слова снова и снова повторялись в моей больной голове. Тем не менее во мне крепло сознание того, что я угодила в ловушку и нахожусь в опасности. Мысли путались, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе. Я боялась, что и сны у меня будут такие же запутанные. Но, несмотря ни на что, я все-таки задремала.

Проснулась я внезапно; мне показалось, что стены и потолок давят на меня. Начался приступ клаустрофобии, и он был сильнее, чем прежде. Не знаю, сколько было времени – скорее всего, уже после полуночи. Несмотря на поздний час, кто-то ходил наверху, у меня над головой.

Шаги прохожих я слышала весь вечер, но сейчас все было по-другому. Ноги, которые шаркали надо мной, как будто не стремились уйти. Постепенно я поймала медленный, размеренный ритм шагов. Через равные промежутки времени тот, кто прогуливался над моей головой, останавливался. Сначала мне даже показалось, что это туда-сюда ходит полицейский. Но полицейские уже не патрулируют улицы пешком, как раньше. Они ездят на машинах по двое.

Мужчина у меня над головой снова начал двигаться. Я поняла, что он мужчина, потому что его шаги были слишком тяжелыми для женщины; к тому же мужчины по-другому ставят ноги. Он походил еще немного и снова остановился, на сей раз прямо у меня над головой, над толстым матовым стеклом люка.

Конечно, мысль о том, что он не может меня видеть, так же как я не могла видеть его, немного успокаивала. И все же я знала, что он там, наверху, а он – в чем я не сомневалась – знал, что я внизу, в моей подземной норе.

Я села в кровати, спустила ноги на пол и стала ждать. Дверь спальни была сетчатой, так что задохнуться я не могла, но я не ощущала ни малейшего движения воздуха. В спальне было тепло и душно. И тихо. Так тихо, что, если бы я так не нервничала, могла предположить, что мой ночной гость ушел. Но я знала, что это не так. Знала, потому что слышала его мысли.

Однажды я побывала на любительском концерте, участие в котором принимал телепат. Я тоже принимала участие в концерте. Выступала барабанщицей в составе девичьей рок-группы. Признаюсь, я не очень хорошо играю на ударных, но и мои напарницы не слишком блистали в игре на гитаре. Одним словом, мы выступили ужасно. Зато телепат был хорош. Мы знали, что все подстроено, по-другому и быть не могло, но никто из нас не мог понять, в чем фокус, а телепат, естественно, не говорил. Если бы я тогда своими глазами не видела чуда, я бы не верила в телепатию. Впрочем, я в нее и не верила до той минуты, пока, сидя на кровати и прислушиваясь, не услышала эхо у себя в голове. Присутствие неизвестного у меня над головой захватило меня. Мне даже показалось, что я слышу его дыхание, хотя это было невозможно. В общем, на некоторое время наши с ним мысли как будто соприкоснулись.

Холодный пот ручейком потек у меня по спине. Включить лампу я не смела от страха, что свет просочится через матовое стекло. Сидя совершенно неподвижно, я заставляла себя придумывать разумные объяснения происходящему и понимала, что хватаюсь за соломинки. Какой-то прохожий остановился, чтобы закурить, внушала себе я. Вполне возможно, он не просто невинный прохожий, а грабитель, взломщик. Осматривает дом и соображает, как можно сюда проникнуть. Надо поднять шум, пусть поймет, что кто-то не спит и догадывается о его намерениях.

Последнее, впрочем, я сразу же отвергла.

«Нет, он никакой не грабитель, – бойко возразил внутренний голос. – Он ищет тебя, Фран. Хочет выяснить, где ты живешь. Хочет узнать о тебе все. Он присматривается и составляет на тебя досье».

У меня над головой снова послышались шаги. Они удалялись. Ночной гость шел быстрее, как будто выяснил все, что ему хотелось узнать, и остался доволен своей разведкой. Потом все стихло. Он ушел. Я знала, что он ушел насовсем и уже не вернется – во всяком случае, сегодня ночью. Я снова осталась одна.

Я с наслаждением выдохнула – оказывается, я долго задерживала дыхание и даже не замечала этого. Встала, вышла в кухню, налила себе чаю и включила весь свет в квартирке.

Телевизор я тоже включила, чтобы не было так одиноко. Мне недоставало человеческих голосов. В два часа ночи телевизор работал замечательно; ну кто бы мог подумать? Изображение не двоилось, на экране не шел «снег». Показывали старый черно-белый фильм. Присев на диван и грея руки о кружку с чаем, я постаралась успокоиться.

Действие происходило в средневековой деревушке, жители которой охотились за ведьмой. В последних кадрах красавицу ведьму спасал ее неожиданно вернувшийся возлюбленный-крестоносец. Очевидно, фильм снимали в режиме строгой экономии, потому что статистов задействовали очень мало. Безработных актеров вроде меня целая куча; каждый из нас охотно пожертвовал бы чем угодно, лишь бы получить возможность мелькнуть на экране в толпе народу и – может быть – погрозить в камеру кулаком. Я же узнавала одни и те же знакомые лица – то под шлемами, которые, похоже, наскоро соорудили из жестяных тазиков, то в крестьянской одежде, то в кольчугах.

Фильм немного отвлек меня. Но потом он закончился, и мои страхи вернулись. Если вы молодая женщина и живете одна, как я, всегда есть опасность, что за вами начнет охотиться навязчивый ухажер. Он выслеживает вас, незаметно провожает до дома, выясняет, где вы живете. Иногда дальше этого дело не заходит. Назойливому поклоннику надоедает вас подкарауливать, и он отправляется на поиски другой жертвы. Бывает, что приставалу кто-то спугнет.

Если ко мне навевался простой назойливый поклонник, я еще как-нибудь справлюсь. Но мне не давала покоя другая мысль: что ночной гость как-то связан с Алби. Если так, логика подсказывает, что ночной гость – Мерв, во что мне не очень-то верилось. Я ведь видела, как ходит Мерв. Вспомнила, как он направляется размашистой походкой к фургончику Дилипа. Мерв носит кроссовки. Тот, кто приходил навестить меня, был в более прочных ботинках на толстой подошве. С другой стороны, Мерв вряд ли пил в «Розе» один; да ведь и Алби говорил, что девушку похищали двое. Выходит, ночной гость – тот, второй?

Ганеш предупреждал меня, что не стоит входить в паб, но искушение было слишком велико, и я не устояла. Может быть, моя поспешность возбудила подозрения и спутник Мерва решил меня выследить?

Тут мои и без того перепутанные мысли свились в тугой клубок, выдавая самые разные неприятные предположения. Что, если те двое, которые на глазах у Алби похитили девушку, поняли, что за ними наблюдали? Как только они увезли девушку в тайник, они вернулись, собираясь заткнуть свидетелю рот. Не найдя его, они, как мы с Ганом, возможно, отправились его искать... Допустим, подельник Мерва следил за Алби в то роковое утро, когда мы со стариком познакомились на вокзале Марилебон. Приятель Мерва собирался подстеречь старика, но его планы расстроились из-за того, что Алби присел и заговорил со мной. Потом к нам присоединился Ганеш. Должно быть, преследователь решил, что трое – слишком много, и ушел, собираясь подождать другого случая, когда Алби можно будет застать одного. Но перед тем, как он ушел, у него хватило времени хорошенько рассмотреть меня. И вчера, когда я так опрометчиво вломила в «Розу», он меня узнал... Если дело обстоит именно так, значит, мне грозит серьезная опасность.

Я проклинала себя за неосторожность. Можно сколько угодно повторять, что я не могла ничего знать заранее, но мне надо было все хорошенько обдумать. А я разыскала Мерва и тем самым навлекла на себя подозрения и в самом деле стала пешкой в игре. До сих пор мне казалось, что, передав рассказ Алби полицейским, я сделала все, что могла, как законопослушная гражданка. Но только не сейчас. По ночным улицам бродит полупьяный старик, который хранит в своей затуманенной голове опасное воспоминание. Своей информацией он поделился со мной, и кто-то нас заметил.

К тому времени я уже широко зевала и клевала носом. На улице начало светать. Серый рассвет прогнал не только мрак. Он развеял и мои страхи, превратил их в нелепые страшные сны. Наверное, все дело в том, что вчера в мою картошку переложили сыра. Может быть, я совершенно неправильно все истолковала.

– Фран, – сказала я себе вслух, – твоя проблема в том, что у тебя слишком богатая фантазия!

Я вернулась в постель. Когда сквозь люк над головой забрезжил дневной свет, даже в подземной спальне казалось не так уж плохо. К утру зловещий ночной гость превратился в человека, который остановился закурить. «Кортина», припаркованная возле «Розы», была совпадением. Рассказ Алби можно объяснить как его пьяные фантазии. Я даже решила обвинить во всем железную дорогу. Из-за холода мне пришлось ждать в здании вокзала, и потому я невольно прислушалась к бессвязному бреду старого алкаша и возвела на его рассуждениях настоящий карточный домик.

Я не могла позволить себе спать допоздна, потому что мне надо было идти к Джимми знакомиться с художником Ангусом. Около восьми я с трудом разлепила глаза, встала и начала собираться: вымыла голову, что не заняло много времени, потому что я очень коротко стригусь, и надела уютные старые джинсы. Потом решила, что, раз уж я буду натурщицей, мне стоит принарядиться. Поэтому я достала бирюзовую шелковую блузку и темно-синий клетчатый индийский жилет. И то и другое я откопала в палатке с почти новыми вещами на камден-

ском блошином рынке сразу после того, как переехала на новую квартиру. Я зевнула и понадеялась, что кофе у Джимми меня разбудит.

Итак, я почти подготовилась к новому дню и уже собиралась выйти, когда в дверь вдруг позвонили. К гостям я точно не была готова. Во-первых, обычно у меня не бывает гостей, кроме Ганеша и иногда Дафны. Для Ганеша было еще рано, да и для Дафны, пожалуй, рановато. Она знала, что я люблю поздно вставать. А посылок мне никто не присылал.

Я подошла к окну рядом с дверью и выглянула наружу. У моей двери топтался какой-то мужчина, повернувшись ко мне спиной. Его куртка желто-зеленого цвета, выложенная решеткой из белых квадратиков, показалась мне незнакомой. Но крепкое сложение ее обладателя и коротко стриженные рыжеватые волосы включили в голове сигнал тревоги. Пока я пыталась сообразить, кто ко мне пожаловал, утренний гость обернулся. Либо у него глаза были на затылке, либо он просто понял, что я разглядываю его в окошко. Он положил ладони на внешний карниз и уставился на меня через стекло.

Так, лицом к лицу, я уже не могла его ни с кем перепутать. Оказывается, мне решил нанести визит мой старый противник, сержант Парри.

– Можно войти? – громко спросил он. Слова приглушались стеклом и гулким эхом, отдававшимся от стен полуподвала.

Сердце у меня екнуло. Я понятия не имела, что ему надо и зачем он рыщет в наших краях. Несомненно, это я очень скоро узнаю...

– Сюрприз! – объявил он, когда я открыла дверь, и злорадно ухмыльнулся.

– Здравсте, – произнесла я, надеясь, что мне удалось немного сбить с него спесь. – А я как раз собиралась уходить.

– Фран, я к тебе ненадолго, – солгал Парри.

– Для вас я мисс Варади, – напредила я. – И обращайтесь ко мне на «вы». Ну ладно, входите.

Сержант Парри бодро вошел и тут же, как у себя дома, устроился на диване.

– Ну что, мисс Варади, может, у вас найдется для меня чашка чаю?

– Нет. Чего вы хотите? – буркнула я. – Кстати, что вы здесь делаете?

– В данный момент расследую одно дело с местными коллегами, – ответил он. – И вот оказалось, что вы совсем недавно у них побывали. Мне стало любопытно. Чтобы Фран Варади добровольно пошла в полицию? Это стоит выяснить.

Я поняла: он прочел журнал происшествий и увидел запись. Мне, как всегда, не повезло. И понадобилось ему именно сейчас почтить местное отделение своим неприятным присутствием! Он по-прежнему пытался отрастить усы – и по-прежнему безуспешно.

– Спросите обо всем дежурного сержанта, – посоветовала я. – Он вам все расскажет.

Парри покачал головой:

– Нет, уж лучше вы сами.

Говорил он не столько поощрительно, сколько угрожающе. Мы с ним никогда не были друзьями; впрочем, сомневаюсь, что у него вообще есть друзья. Бабушка Варади назвала бы его мерзким и подозрительным извращенцем. К тому же Парри совершенно не умел себя вести... И вкуса у него тоже нет, мстительно подумала я, бросив взгляд на его куртку. На шее у него красовался недавний порез от бритвы. Рыжие волосы очень часто сочетаются с тонкой, нежной кожей. Но похоже, его кожа чувствительна только к мылу, в других отношениях он толстокожий, как слон. Сержант Парри – вовсе не человек нового типа. Он старорежимный любитель поиздеваться над другими, вооруженный полицейским жетоном. Сейчас он расположился на моем диване и злится на меня, потому что я отказала ему в чае. Спасибо, что хоть явился при свете и позвонил в дверь. Парри предпочитает вламываться к кому-то в дом, а не рыскать снаружи. Нет в нем никакой тонкости.

Пересказав ему все, что услышала от Алби, я понадеялась, что сержант, удовлетворившись, встанет и уйдет. Плохо же я его знала! Парри не удовлетворит ничто, кроме сознания, что он одержал над вами верх, предпочтительно в садистской манере.

Я уже говорила, что отношусь так не ко всем полицейским. О большинстве не могу сказать вообще ничего. Просто я не люблю Парри, а он, в свою очередь, не любит меня. Но мы с ним хотя бы понимаем друг друга.

Он выслушал меня молча, неодобрительно опустил вниз уголки губ под жидкими рыжеватыми усиками.

– И вы всерьез восприняли его бред? – спросил он наконец, когда я замолчала.

– Да, именно поэтому я пошла в участок и обо всем сообщила. Правда, ничего хорошего из этого не вышло. Не удивляюсь, что у нас наблюдается такой рост преступности. Честные граждане тратят время и силы и сообщают стражам порядка о тяжком преступлении – подумать только, человека похитили на улице! Но никто не воспринимает их рассказ всерьез!

Еще не закончив говорить, я поняла, что ошибаюсь. Видимо, от недосыпа и удивления при виде Парри я на время лишилась способности мыслить здраво. Правда, как говорится, ударила меня в лицо. Парри не стал бы напрасно тратить на меня время, если бы кто-то не воспринял мой рассказ всерьез.

Вряд ли полицейские так забеспокоились из-за меня. В обычное время они не стали бы слушать ничего из того, что я им говорю. Судя по всему, Парри явился ко мне не просто так. Мой рассказ подтверждал нечто уже известное им.

Я откинулась на спинку кресла и улыбнулась Парри. От изумления он даже дернулся, доставив мне дополнительное удовольствие.

– Произошло похищение, – сказала я. – Алби прав. Я права. И только вы, стражи порядка, почему-то помалкиваете!

Выходит, они все так тщательно скрывали, что даже дежурный сержант из местного отделения был не в курсе. В уголовном розыске обожают скрытность.

Парри пришлось привыкать к тому, что я перехватила инициативу. Он решил потянуть время.

– Ну ладно, дорогуша, заварите-ка нам чайку!

Несмотря на ласковые слова, в его голосе звенели властные и покровительственные нотки. Подавив естественный порыв возмутиться и выгнать его взашей, я встала. Ладно, так и быть, налью ему чаю. Все равно я выиграла одно очко; пусть думает, что тоже одержал маленькую победу. И потом, я приносила небольшую жертву во имя более важного дела. Мне хотелось немного умаслить Парри. Может быть, напившись чаю, он размякнет и расскажет мне чуть больше, чем собирался.

– Для начала, – сказал он, когда я вернулась в гостиную, протянула ему кружку и Парри шумно отхлебнул глоток, – вы все неправильно поняли. Никакого похищения не было.

– Ну да, конечно, не было, – согласилась я.

– Фран, не умничай! – Парри поставил кружку. – Со мной этот номер не пройдет. Язык у тебя подвешен хорошо, и ты за словом в карман не лезешь. Твои рассуждения даже производят впечатление кое на кого, но только не на меня, как тебе отлично известно. Я не для того пришел, чтобы рассказывать тебе, что на нашем участке произошло похищение... Так что учти: никакого похищения не было. Ясно?

– Ясно, сержант, – кротко ответила я.

Он бросил на меня подозрительный взгляд.

– Но если... я только предполагаю, понятно? Если похищение все же было... – Парри замолчал, но, поскольку я ничего не сказала, он вынужден был продолжать: – Его расследованием очень осторожно и профессионально должна заниматься полиция. Мы знаем, как обра-

щаться с похитителями. Владеем методикой, если хочешь. Фран, лишняя огласка в таком деле ни к чему. И нам совсем не нужно, чтобы ты путалась у нас под ногами и много болтала.

Одно дело – угостить чаем сержанта, который заявился ко мне в гости. И совсем другое – позволять ему оскорблять меня в моем же доме. Я не собиралась спускать ему хамства.

– Я ни о чем не болтаю! – холодно возразила я. – Как, впрочем, и у вас нет оснований оскорблять меня, чем вы, по-моему, сейчас занимаетесь. Я добропорядочная гражданка, и ваша фамильярность по отношению ко мне совершенно неуместна! – Мои слова ему явно не понравились, но я продолжала: – Кстати, раз уж все, о чем мы говорим, случилось чисто гипотетически, вы сказали то же самое Алби Смиуту? Вы велели ему помалкивать о том, что он видел?

Сержант сразу успокоился:

– Алкаш Алби Смит – старый пьяница, который почти все время пребывает в бессознательном состоянии, а в остальное время бредит. – Ротовое отверстие Парри скривилось – должно быть, он считает, что изобразил улыбку. – Никто не станет слушать его болтовню!

– Зато меня, возможно, послушают? – продолжила я за него. – Бросьте, сержант! Кому и что я скажу? И кто станет меня слушать?

– Откуда мне знать? – ответил он с кислым видом. – У тебя странная особенность попадать в такие места, до которых тебе не должно быть никакого дела. Ты почему-то внушаешь доверие таким людям, которые по-хорошему и слушать тебя не должны. Фран, не путайся у нас под ногами. Такими делами положено заниматься полиции, а если будешь нам мешать, произойдет настоящая катастрофа. Я не шучу. На карту поставлена жизнь человека. Так что забудь обо всем, что ты услышала, хорошо? Если не послушаешь меня, тебя ждут большие неприятности.

Неприятности окружают меня, можно сказать, постоянно, как Алби пьяный угар. Угрозы Парри меня не взволновали. Зато обеспокоило то, что он так легко списывал Алби со счетов.

– Алби – свидетель, очевидец, – сказала я. – Вы беседовали с ним? Надо его допросить, причем срочно!

Парри замялся.

– Мы как раз его ищем. Он залег на дно, возможно, отсыпается после очередного запоя. Но мы его найдем и выясним, в самом ли деле он видел что-то подозрительное... хотя, по-моему, он все выдумал, пока находился в подпитии.

– Так могут подумать не все! – отрезала я. – Кому-то захочется убедиться наверняка – просто на всякий случай. Кому-то, возможно, захочется заткнуть ему рот.

– Брось, не надо! Никто не станет беспокоиться из-за старого пьяницы. – Парри поставил кружку и встал. – А славная у тебя квартирка, Фран. Лучше, чем трущобы, в которых ты жила, когда мы виделись в прошлый раз. Выходит, встаешь на ноги?

– Нет, – ответила я. – Мне помог один знакомый.

– Да, знаю, – хмыкнул сержант. – Аластер Монктон. Теперь ты понимаешь, о чем я толкую? Ты как-то убалтываешь людей, которые обычно не общаются с такими отбросами, как ты и твои дружки. Ты втираешься к ним в доверие, но как – будь я проклят, если понимаю! Вот и к почтенной даме, домовладелице, как-то подольстилась... – Он ткнул пальцем в потолок. – Да-да, не удивляйся, я уже побеседовал с ней. Она считает тебя славной девушкой. Точнее, она назвала тебя «изобретательной». Я бы назвал тебя по-другому, но не захотел развеивать ее иллюзии. И даже славный старикан вроде Монктона... – Сержант поцокал языком и покачал головой.

Я показала ему на дверь и сухо велела:

– Убирайтесь!

– Не кипятись, Фран. Но запомни: я не хочу приходить к тебе и еще раз предупреждать насчет этого дела. Тебе ясно? Ясно или нет?

– В следующий раз, как захотите прийти, не забудьте захватить ордер, – ответила я. – И обращайтесь ко мне на «вы». Больше мне сказать нечего. Вам ясно или нет?

– Что ж, хорошо, приду с ордером. Но запомни... запомните, Фран, только попробуйте путаться у нас под ногами, и я обвиню вас в том, что вы препятствуете работе полиции.

Он нисколько не изменился после нашей последней встречи. По-прежнему оставался невоспитанным чурбаном. Но дураком он не был. И то, что именно его назначили расследовать похищение, стало свидетельством моего обычного невезения.

* * *

Из-за гостя я опоздала в закусную Джимми на деловую встречу. Пришлось бежать. Я все больше кипела от злости и волновалась. Злилась я и на Парри, который завел меня с утра пораньше, и на себя – за то, что позволила ему себя завести.

На улицах было мало народу, только женщины с капризными малышами и всегдашние бродяги. Я прошла мимо магазинчика Хари и заглянула внутрь, надеясь увидеть Ганеша. Его там не было, зато был Хари. Он заметил меня, поэтому пришлось зайти и спросить, как у него дела, а также выслушать подробный отчет о его последних невзгодах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.